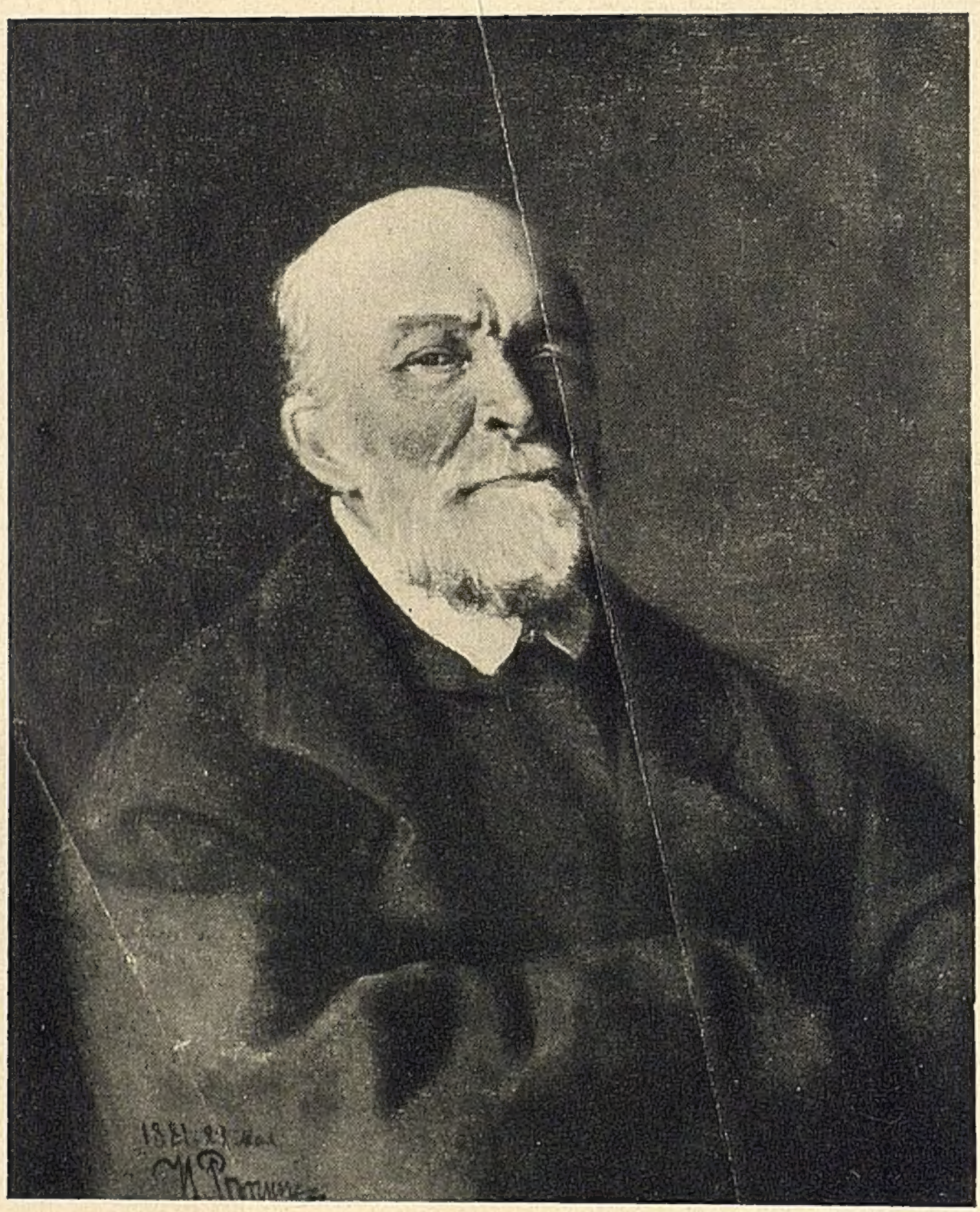
370
B67



Н. И. ПИРОГОВЪ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Выпускъ второй.

Философско-Педагогическая Библіотека.

К+
Ю 34 г.
Э.К.
370
В.67

В. А. ВОЛКОВИЧЪ.

Другъ человѣчества Н. И. ПИРОГОВЪ.

80996
49 г.

Къ столѣтію со дня рожденія,
13 ноября
1810—1910.

Московская Областная Центральная Библиотека
Центральная Библиотека Московского Областного Совета Профессиональных Союзов
Московская Областная Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ О. В. БОГДАНОВОЙ.
1910.

370
В67

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Изм. п., 7 рота, 26.

Дорогому моему другу

З. К. Столица

авторъ.

Центральная Рабочая Библиотека Московского Совета Профессиональных Союзов.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе. Есть-ли основаніе для изслѣдованія педагогической системы Н. Н. Пирогова? 11

Глава. I. Исторія до-реформенной педагогики. Старое и Новое 21

Глава II. Личныя свойства Н. И. Пирогова и условія, вызвавшія ихъ 37

Глава III. Основное ядро педагогической системы Н. И. Пирогова и вытекающія изъ него слѣдствія, объединенныя въ научно-разработанное міровоззрѣніе 69

1) Гуманистическій идеализмъ реалистическаго характера 69

2) Естественная необходимость воспитанія . 77

3) Женскій вопросъ 79

4) Личность воспитателя 81

5) Школа и жизнь 82

6) Гуманитарные принципы школы 85

7) Воскресныя школы 94

8) Университетскій вопросъ 95

Глава IV. Н. И. Пироговъ, какъ универсальный и вмѣстѣ съ тѣмъ національный педагогъ 105

Глава V. Мѣсто Н. И. Пирогова въ исторіи русской педагогики и значеніе его для построенія философіи новой русской школы 125

Глава VI. Заключеніе 141

ЕСТЬ-ЛИ ОСНОВАНІЕ ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ Н. И. ПИРОГОВА?

ВВЕДЕНІЕ.

Есть-ли основаніе для изслѣдованія педагогической системы Н. И. Пирогова?

(Вмѣсто предисловія).

Настало время реабилитировать русскую педагогику, пора достойно оцѣнить и поднять значеніе русскихъ пріобрѣтеній, купленныхъ нашими геніями цѣною долгихъ страданій, для нашего лучшаго будущаго.

Надо заново вспахать историческую почву прошлаго, чтобы яснѣе понять настоящее и точнѣе намѣтить будущее.

Пора спросить себя, нѣтъ ли чего либо цѣннаго у себя дома? Мы съ почвой, т. е. историческими условіями русской жизни въ дѣлѣ воспитанія, почти никогда не считались, мы ими не интересовались. Мы дерзко пересаживали иноземное и нетерпѣливо ждали пышныхъ плодовъ нашего, подчасъ неумѣлаго, посѣва. Въ результатѣ наши богатства оказывались неэкономно растраченными, работники — постоянной, безплодной работой развращенными, а огромныя поля—неиспользованными.

Для лучшаго и болѣе обезпеченнаго урожая необходимо, прежде всего, изслѣдовать свойства почвы, пригодность ея для посадки того или другого зерна. Что каждый злакъ требуетъ опредѣленныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій,—пшеница, напримѣръ, не вырастетъ на пескѣ,—это знаютъ всѣ, а, что тѣ же законы приложимы къ условіямъ органическаго роста

и развитія человѣка, къ духовному развитію его, преступно забывается многими. По отношенію къ воспитанію и реформѣ его не мѣшало бы намъ запомнить, что всякое преобразованіе воспитанія только тогда окажется *дѣйствительно жизненнымъ*, когда оно будетъ основано на изученіи *историческихъ* основъ прошлой жизни русскаго народа и духовнаго, вѣками выработаннаго склада его. Вотъ почему, думая о лучшемъ будущемъ, которое можетъ у насъ наступить благодаря *новому воспитанію*, мы считаемъ себя обязанными внимательно не только познакомиться, но и *изслѣдовать* педагогическія ученія геніевъ, пророковъ новой русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, геній охватываетъ не только настоящее время, но и далекое будущее: онъ какъ бы сквозь время глядитъ въ вѣчность, разбирая вопросы съ *принципіальной* стороны, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ «прекрасному далеку», а, можетъ быть, находится sub specie aeternitatis, какъ идеальное вѣчное, безконечное, какъ сокровенное святая-святыхъ человѣка.

Но, охватывая далекое будущее, многое геніемъ лишь намѣчается въ видѣ штриха. Вотъ почему, изучая крупныя произведенія геніевъ русской педагогики, къ каковымъ безспорно принадлежитъ и Н. И. Пироговъ, мы сталкиваемся съ богатымъ запасомъ новыхъ, до сихъ поръ неиспользованныхъ мыслей, часто даже и не вошедшихъ въ сознаніе такъ называемой большой публики только оттого, что блестящія мысли генія не проявились въ его работахъ въ достаточно ясной, простой формѣ. Для полнаго принятія генія, для уясненія его значенія—толпѣ нужны бываютъ посредники, комментаторы, или просто на просто чернорабочіе.

Разработка творческой мысли генія сходна съ работой тружениковъ въ горныхъ копяхъ. Мы откапываемъ, открываемъ, выносимъ на свѣтъ, отшлифовываемъ и, послѣ долгой предварительной работы, получаемъ готовыя художественныя вещи,

пуская ихъ въ оборотъ промышленнаго міра. Сколько измѣненій претерпѣваетъ самородокъ золота, пока не приметъ формъ доступныхъ, понятныхъ и пріятныхъ для принятія его массой!

Мы не можемъ не вспомнить судьбы нѣмецкаго философа начала XIX вѣка, великаго Коперника философіи, Канта. До комментарій и истолкованій Ланге, Канта не понимали. Изслѣдованія талантливаго Ланге открыли истинное значеніе Канта, какъ великаго реформатора философіи. Съ тѣхъ поръ Кантъ сталъ руководить развитіемъ не только философіи, но также и другихъ наукъ. Подобно Канту, та же судьба постигла и нашего Пушкина. Черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Пушкина, въ то время почти забытаго, частью даже поруганнаго блестящимъ, задорно несправедливымъ по отношенію къ Пушкину, партійнымъ Писаревымъ, имя Пушкина, истинное пророческое значеніе его для исторіи русскаго самосознанія, впервые было открыто не менѣе великимъ, многострадальнымъ Достоевскимъ. И съ тѣхъ поръ Пушкинъ сдѣлался популярнымъ, едва ли не самымъ любимымъ изъ нашихъ классиковъ.

Не претендуя, конечно, на роль великихъ комментаторовъ, мы принимаемся въ качествѣ *чернорабочаго* за изслѣдованіе многогранной, глубокой педагогической системы нашего перваго реформатора Н. И. Пирогова, съ той цѣлью, чтобы, насколько только это возможно, *воскресить*, „*обнародить*“ имя Пирогова, популяризировать и представить педагогическое ученіе его въ видѣ систематически разработаннаго педагогическаго міровоззрѣнія.

Педагогика, по преимуществу, наука, заботящаяся о будущемъ улучшеніи человѣка, вся какъ бы живетъ въ потомкахъ, но черезъ это самое она неразрывно связана съ предками, великими покойниками, и многимъ обязана имъ. Только съ точки зрѣнія исторической нераз-

рывности живого цѣлаго намъ, продуктамъ исторической эволюціи, возможно понять себя самихъ и наше настоящее. По отношенію къ дѣлу воспитанія — это особенно справедливо. Отсутствіе исторической традиціи въ воспитательныхъ реформахъ настоящаго—особенно замѣтно. Вотъ почему такъ мало реальной силы въ нихъ. Оживляя геніальныя идеи нашего историческаго прошлаго въ цѣляхъ улучшенія будущаго, мы считаемъ это настоятельно необходимымъ, въ виду почти полнаго незнакомства учащейся молодежи, будущихъ матерей и отцовъ, *съ прошлымъ русскимъ воспитаніемъ*. Кончая среднее учебное заведеніе, наша молодежь кое что слышала о Монтэнь, Локкъ, еще больше знаетъ Руссо, Спенсера, но мало кто въ состояніи переименовать названія крупныхъ сочиненій Пирогова, Ушинскаго, Стоюнина, бар. Корфа. Большинство никогда даже на школьной скамьѣ изъ устъ преподавателей не слышало и упоминаній о великихъ именахъ русскаго воспитанія. Упущеніе это, пустое мѣсто въ знаніяхъ по русскому воспитанію—застарѣлый грѣхъ нашъ. Просматривая новую педагогическую литературу, заполонившую нашъ книжный рынокъ, съ эффектными названіями «Тюрьма ребенка», «Свободная школа», мы и здѣсь съ грустью должны отмѣтить, что разсмотрѣнію историческихъ судебъ русской школы удѣлено слишкомъ мало мѣста.

Да будетъ же память о великихъ именахъ прошлаго въ насъ памятью вѣчною!

Возстанавливая прошлое, считаемъ для себя необходимымъ внимательно остановиться на *живомъ воспитывающемъ* вліяніи *личности* педагога.

Духъ великаго генія животворитъ, уничтожаетъ тьму въ окружающемъ.

Въ самомъ дѣлѣ тайна успѣха педагогическаго вліянія, благотворные результаты педагогическаго воздѣйствія лежатъ

въ живой силѣ личности педагога. Всѣмъ извѣстно, что идеальный педагогъ самъ изъ себя создаетъ примѣръ, которымъ исправляется воспитываемое имъ подрастающее поколѣніе, а чрезъ него и все общество. Такому педагогу не нужны окрики, внѣшняя регламентація, такъ называемыя кондуитныя записи. Такой педагогъ самъ, своей личностью, живымъ примѣромъ, *духовной мощью дѣйственно* увлекаетъ молодежь на путь нравственнаго самоусовершенствованія.

Предъ нами въ педагогическомъ процессѣ взаимоотношеній ученика и учителя—тайна, чудо, надъиндивидуальное, почти сверхчувственное, но всегда реально дѣйствующее.

Чудо это слагается изъ *совокупности* тѣхъ свойствъ, которыми характеризуется *идеальная личность идеальнаго педагога.*

Педагогическіе учебники много говорятъ о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ идеальному педагогу, схоластически перечисляя эти требованія. Но намъ кажется это недостаточнымъ. Дѣйствительнѣе, ощутимѣе было бы конкретно обнажить эти свойства воплощенными въ нашихъ педагогахъ и очертить образы не просто покойниковъ, но вѣчныхъ спутниковъ нашей жизни.

Въ Н. И. Пироговѣ мы видимъ гармоническое сочетаніе строгихъ требованій, предъявляемыхъ къ идеальному педагогу.

Не претендуя сказать нѣчто совершенно новое о Пироговѣ, мы просто хотимъ вспомнить о немъ, хотимъ изъ прошлаго, часто позабытаго, вывести на свѣтъ Божій свѣтлый образъ и педагогическія идеи великаго реформатора воспитанія, конечно, не для того, чтобы лишній разъ прославить его (въ этомъ послѣднемъ Н. И. Пироговъ не нуждается, слишкомъ великъ умъ и духъ его, они сами говорятъ за себя), но, главнымъ образомъ, для того, чтобы пополнить наши педагогическіе пробѣлы, научиться опытомъ Пирогова, полюбить его любовію.

Въ этомъ смыслѣ воспоминанія о прошломъ не только не лишни, но и необходимы.

Нѣкоторый подъемъ настроенія, который вызываетъ въ насъ образъ Н. И. Пирогова, своего рода увлеченіе имъ, объясняются тѣмъ, что мы любимъ Пирогова, любимъ его за его ширь, глубину, за любовь его къ родинѣ и за любовь его ко всему человѣческому. Любимъ за то, что онъ не казался, но и былъ истиннымъ *другомъ человѣчества.*

Кромѣ выясненія личныхъ свойствъ Пирогова, мы считаемъ необходимымъ раскрыть педагогическое міровоззрѣніе Пирогова, группируя и объединяя педагогическіе принципы, разбросанные въ разныхъ статьяхъ его, въ видѣ *философски обоснованнаго міровоззрѣнія.*

Столь крупный мыслитель, врачъ и педагогъ, какимъ былъ Н. И. Пироговъ, не могъ, конечно, дѣйствовать и жить безъ опредѣленнаго, заранѣе имъ выработаннаго и вырабатываемаго міровоззрѣнія.

Въ добавочномъ строительствѣ, задаваясь цѣлью не критиковать, но углублять педагогическое ученіе Пирогова, мы всюду старались проникнуться духомъ, мыслями, сужденіями и настроеніемъ Пирогова, преднамѣренно усваивая и языкъ его. Въ наше время, когда сочиненія перваго реформатора представляютъ библіографическую рѣдкость, доступную лишь немногимъ, возстановить образъ и педагогическое ученіе его положительно необходимо. Вотъ почему, поклоняясь первому реформатору, пытая его, вывѣдывая его тайны, видимо подчиняясь ему и подчиняя мысли его себѣ, мы хотимъ глубже понять прошлое, а чрезъ это лучше уяснить себѣ настоящее и вѣрнѣе, жизненнѣе намѣтить будущее. Въ педагогикѣ, повторяемъ, какъ и во всякой другой наукѣ, нельзя создавать новое, не изучивъ историческаго прошлаго, но съ этой простой истиной у насъ совсѣмъ не считаются.

Кромѣ того, раскрытіе педагогическаго міровоззрѣнія

27207

перваго русскаго реформатора Н. И. Пирогова создаетъ благопріятныя условія для выработки опредѣленной *руководящей идеи* въ воспитаніи, при которой скорѣе будутъ уничтожены случайность и произволъ, столь гибельно дѣйствующіе на подростающее молодое поколѣніе [1]).

Итакъ, раскрывая педагогическое ученіе Н. И. Пирогова, перваго реформатора воспитанія, предтечу великихъ русскихъ реформаторовъ: Ушинскаго, Стоюнина и бар. Корфа, мы будемъ изслѣдовать педагогическое ученіе Н. И. Пирогова сквозь призму *историческаго освѣщенія*, знакомясь одновременно съ *психологической* сущностью его ученія.

Исходя изъ этихъ послѣднихъ соображеній, пришлось рамки журнальной статьи [2]) раздвинуть на столько, что явилась необходимость выпустить отдѣльную книгу о Н. И. Пироговѣ.

Думается, что имя и педагогическое дѣло Н. И. Пирогова настолько цѣнны сами по себѣ, что *новое* упоминаніе и *истолкованіе* личности и педагогической системы перваго реформатора русскаго воспитанія сквозь призму историческаго прошлаго, съ выясненіемъ значенія Н. И. Пирогова, какъ *универсально-національнаго* педагога, въ дѣлѣ построенія т. н. *„философіи новой школы“*, въ качествѣ *опознаннаго міровоззрѣнія ея*, во всякомъ случаѣ не вызовутъ ни у кого досадливаго упрека по адресу автора, рискнувшаго опять заговорить о *другѣ человѣчества*, о *первомъ русскомъ реформаторѣ воспитанія*,—великомъ Н. И. Пироговѣ.

Московская Областная Центральная библиотека

Д 0996

---

[1]) См. нашу брошюру „Педагогика-наука предъ судомъ ея противниковъ“ 2-ое изд.

[2]) Двѣ главы этой работы были напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1909 г.

ИСТОРІЯ ДО-РЕФОРМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ.

СТАРОЕ И НОВОЕ.

ГЛАВА I.

Исторія до-реформенной педагогики. Старое и новое.

Чтобы понять яснѣе, лучше то новое, что принесъ съ собою въ русское воспитаніе Н. И. Пироговъ, намъ необходимо вырисовать фонъ прошлаго, отмѣтивъ, хотя бы только крупными штрихами, существенныя особенности этого прошлаго, основную жизнь до Пироговской русской школы и воспитательныхъ основъ ея.

Отмѣчая Пироговскую эпоху въ исторіи русской педагогики, какъ эпоху новаго времени, реформы воспитанія, всю предшествующую педагогику до Пироговской эпохи, мы раздѣлимъ на три періода по основнымъ разнороднымъ идеямъ, руководившимъ, правда иногда безсознательно, жизнью прошлаго.

Одинъ изъ этихъ періодовъ въ исторіи русской педагогики мы назовемъ—*церковнымъ*, другой—періодомъ исканій—*межъисторическимъ*, третій — *государственнымъ*, четвертый—періодомъ новымъ, *реформаторскимъ*.

Если бы мы захотѣли провести параллель исторіи русской педагогики съ исторіей западно-европейской, мы нашли бы, что наша жизнь развивалась въ иномъ порядкѣ послѣдовательности руководящихъ началъ воспитанія сравнительно съ тѣмъ, что наблюдалось на Западѣ. Нашъ *церковный* періодъ (для насъ онъ начинается лишь съ X вѣка съ принятія христіанства) по идеямъ совпадаетъ съ содержаніемъ жизни средневѣковья, принимая, правда, у насъ иную нѣсколько окраску, чѣмъ на Западѣ.

Періодъ исканій у насъ хронологически совпадаетъ съ опредѣлившейся эпохой возрожденія Запада въ XV и XVI вѣкахъ. *Государственный* періодъ въ исторіи русской педагогики идейно совпадаетъ съ древнимъ періодомъ западной педагогики до христіанскаго времени, съ педагогическими идеями Платона, Аристотеля, а хронологически параллеленъ эпохѣ просвѣщенія на Западѣ. Только *новое, реформаторское* время идейно совпадаетъ съ Западомъ, но хронологически у насъ своимъ появленіемъ сильно запаздываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, на Западѣ Рабле и Монтень реформировали воспитаніе въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ, наша же педагогика реформировалась только въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, и эта реформа неразрывно связана съ именемъ Н. И. Пирогова, какъ перваго реформатора воспитанія. До этого же времени мы не можемъ говорить ни о какой истинной реформѣ воспитанія.

Конечно, втискивая живую идейную жизнь народа въ извѣстныя, строго очерченныя рамки съ текучимъ, неустойчивымъ, смѣшаннымъ характеромъ этой жизни, мы при данномъ дѣленіи отлично помнимъ, что въ новомъ живетъ всегда старое, а въ старомъ уже зрѣетъ новое. Вотъ почему, въ органическомъ ростѣ не можетъ быть рѣчи о линейной, математически точной смѣнѣ міровоззрѣнія. Мы можемъ говорить о какой бы то ни было группировкѣ явленій въ приложеніи къ идейной жизни человѣка, а тѣмъ болѣе цѣлаго народа, только приблизительно, принимая это дѣленіе, какъ *методологическій пріемъ*, какъ болѣе удобное для насъ орудіе изслѣдованія, никогда не помышляя раскалывать на части органически живое цѣлое, что было бы и невозможно.

Вся церковная педагогика, по скольку она опредѣлилась для нашихъ предковъ, за исключеніемъ новыхъ побѣговъ въ корняхъ ея, намѣчающихъ собою будущее время, была насквозь проникнута одной основной идеей: *всецѣлымъ подчиненіемъ личности церкви.*

Историческій обзоръ русской педагогики мы можемъ начинать только съ появленія у насъ христіанства, какъ момента зарожденія первыхъ опредѣленныхъ культурныхъ заботъ человѣчества объ отдѣльномъ человѣкѣ по завѣтамъ новаго ученія, по примѣру основателя этого ученія, Первоучителя-Христа. Полнота и всесторонность христіанскаго ученія, казалось, должна была бы исчерпать вопросы воспитанія и съ самаго начала идеально поставить дѣло воспитанія. По крайней мѣрѣ въ лицѣ Христа и въ полной воспитательной системѣ Его, а таковая у Него, конечно, есть, мы все характерное для реформы воспитанія находимъ. Противъ естественныхъ ожиданій, *на дѣлѣ* мы сталкиваемся совсѣмъ съ инымъ теченіемъ жизни у нашихъ предковъ. Усвоивъ христіанское ученіе съ внѣшней, церковно-обрядовой стороны, они забыли внутреннюю, духовную идеальнѣйшую часть ученія и постепенно выработали воспитательную традицію не христіанскаго, но противохристіанскаго характера. Такъ форма поглотила содержаніе и вмѣсто прогрессивнаго роста и развитія личности, какъ хотѣлъ того Христосъ, личность всецѣло была задавлена церковью, обрядомъ, грубо матеріальной силой священнослужителей, новыхъ учителей—воспитателей, уничтожившихъ свободное и естественное развитіе личности. Выращиваемая новымъ лжевоспитаніемъ традиція грубаго порабощенія церковью личности находила благопріятную, питательную среду въ долго сохраняемыхъ библейскихъ началахъ.

При скрещиваніи христіанскихъ съ библейскими началами, часто побѣда оставалась за послѣдними. Въ мрачномъ хаосѣ спутанныхъ понятій, неустойчивыхъ взглядовъ на жизнь, на задачи и цѣль воспитанія, конечно, никакой системы воспитанія не могло зародиться. Люди жили сегодня, какъ вчера, вчера, какъ сегодня, о дальнемъ не заботились, довлѣя заботамъ текущаго дня.

Если жизнь заставала ихъ врасплохъ, требуя немедленныхъ рѣшеній и выработки руководящихъ началъ жизни, наши праотцы и въ этихъ случаяхъ о далекихъ горизонтахъ не мечтали. Наспѣхъ, руководясь практикой жизни и требованіями сегодняшняго дня, они составляли рѣшенія, частично и случайно отвѣчая на вопросы принципіальнаго характера.

Такимъ образомъ, въ сложномъ узлѣ спутанныхъ понятій далекаго прошлаго, единственно, что мы можемъ выдвинуть, какъ основное, не столько принципъ, сколько statu quo жизни, это указанное нами подчиненіе личности церкви, церковный характеръ всѣхъ воспитательныхъ начинаній. Съ этой особенностью прежняго воспитанія нельзя не считаться, такъ какъ она оставила глубокій слѣдъ въ жизни русскаго народа, вошла духовной складкой въ будущія судьбы русской педагогики. Но, отмѣчая мрачное, безотрадное въ нашей древности, безсистемность, хаотичность общаго, почти неопредѣленнаго *настроенія* этого времени, мы были бы научно неправы, если бы темнымъ флеромъ отрицательнаго отношенія задрапировали то немногое свѣтлое, что зарождалось, росло и зрѣло на всемъ протяженіи до-Петровской Руси (включительно съ межъисторическимъ періодомъ, періодомъ исканій), подготовляя намъ въ будущемъ реформаторовъ воспитанія.

Часто церковь древней Руси, въ лицѣ лучшихъ представителей ея, являлась *коллективнымъ живымъ лицомъ, общиной*, поэтому во всей церковной педагогикѣ древности не всегда замѣчался застой и схоластичность фанатически настроеннаго западно-европейскаго средневѣковья.

Школа при приходѣ, или *церковно-приходская школа*, какъ первая культурная разсадница, являлась не только домомъ молитвы, домомъ отца-пастыря и дѣтей — паствы его, но это была часто семья и общество, удовлетворяющее всѣмъ наличнымъ нуждамъ мірянъ. Въ самомъ дѣлѣ, церковь явля-

лась странноприимнымъ домомъ, выдавала ссуды неимущимъ,—однимъ словомъ, обслуживала жизнь во всѣхъ многообразныхъ функціяхъ ея. Для древности это было возможно, потому что жизнь была проста и отношенія людей также просты. Но въ большинствѣ случаевъ на дѣлѣ, къ несчастью, формально обрядовая сторона поглощала живое содержаніе.

Неумѣло, робко, не соединяя съ понятіемъ полноты его содержанія, а поэтому почти не осуществляя практически, наши предки, разсматривая церковь, какъ живое лицо, высказывались также за *всеобщее, равное для всѣхъ* образованіе; подъ образованіемъ подразумѣвали воздѣйствіе на душу, въ видѣ спасенія души отъ грѣха, проклятія и смерти, стремились выработать изъ человѣка вѣрнаго слугу церкви; другими словами, образованіе и воспитаніе ими не разграничивалось, а осуществлялось въ т. н. *воспитывающемъ обученіи*. Помимо этого, древніе искали *„людкости“* въ воспитаніи, т. е. хотѣли воспитать прежде всего человѣка; но на дѣлѣ, въ практикѣ жизни изъ рукъ учителей выходили вѣрные слуги церковнаго обряда съ грубыми основами въ глубинѣ человѣка. *Идеалистичность, всеобщность* (хотя практически для «нарочитой челяди»), *демократизмъ и гуманный принципъ воспитанія* оставались въ области благихъ начинаній, безплодныхъ мечтаній, безсознательной и, конечно, безсистемной формы всего древняго русскаго воспитанія.

Если предки не сумѣли провести благихъ принциповъ педагогики, тѣмъ не менѣе въ исторіи русскаго воспитанія чрезвычайно важно отмѣтить благое пожеланіе ихъ, въ видѣ *опредѣленнаго* ихъ *настроенія*, свидѣтельствующее о томъ, *что эти принципы, какъ вѣковѣчные, издавна лежатъ въ духѣ русскаго народа.*

Раздвоенность теоретическаго и практическаго настроенія древнихъ, отыскиваемую у нихъ, конечно, аналитическимъ

путемъ, можетъ быть, можно объяснить наличностью въ нихъ 2-хъ дѣйствующихъ началъ христіанскихъ и библейскихъ и, пожалуй, бо́льшей силой послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніемъ на нихъ разныхъ культуръ: византійской и латинской. Не малымъ препятствіемъ къ осуществленію добрыхъ, правда не вполнѣ ясныхъ намѣреній древнихъ служило полное отсутствіе въ нихъ воли. Видѣли лучшее, но осуществляли худшее.

Но наступали иныя времена, выходили отдѣльныя личности, ярко, колоритно прошедшіе чрезъ жизнь церковной педагогики. Носители монашеской рясы, вдали отъ міра, часто глубоко воспитывали міръ, создавая нравственный духовный обликъ русскаго народа. Таковъ былъ Сергій Радонежскій въ XIV вѣкѣ. Сквозь время свѣтитъ въ настоящее и далекое будущее образъ духовнаго воспитателя, *поднявшаго духъ русскаго народа* не словомъ, не педагогической системой воспитанія, но *живымъ примѣромъ* осуществленнаго добра въ Троицко-Сергіевской пустыни, ставшей любимой Лаврой русскаго народа.

Не можемъ не упомянуть о полезныхъ работахъ Кіевскихъ братствъ XV и XVI в., Петрово-Могилянской Академіи на юго-западѣ Руси, Греко-Латино-Славянской Академіи въ сѣверо-восточной части ея. Работа послѣднихъ относится къ *періоду исканій русскимъ народомъ идеала жизни.* Безсознательно, еще механически, но все же русскіе пробовали въ эти времена сочетать воедино разнородныя культуры разломанныхъ частей мірового цѣлаго: византійскую, латинскую и чисто славянскую.

Дѣятельность Сергія Радонежскаго, какъ воспитателя духа русскаго народа, отъ церковнаго періода, работа братствъ, работа юго-западной Могилянской и сѣверо-восточной греко-латино-славянской Академій до-петровской эпохи, періода межъисторическаго, можетъ быть разсматриваема,

какъ почти безсознательная, внѣ системы, *нѣкоторая критика* всего стараго, какъ, во всякомъ случаѣ, борьба стараго и новаго, вѣрнѣе, какъ слабое зарожденіе далекаго новаго.

Межъисторическій періодъ не могъ сочетать византійскую, латинскую и славянскую культуры въ одно органически цѣлое. Трудная, непосильная задача! Далекое будущее можетъ только разрѣшить ее. Не удалось и Достоевскому синтетически сплавить столь разныя міровоззрѣнія, какъ міровоззрѣніе Ферапонта, Ивана и Алеши въ его творческой концепціи «Братья Карамазовы». Развѣ въ силахъ были наши предки осуществить и законченно выполнить трудную задачу примиренія и полнаго сліянія столь разнородныхъ частей общечеловѣческаго цѣлаго! Непосильная задача для народа, едва вышедшаго на путь сознательныхъ поисковъ иного, чѣмъ прежде, міровоззрѣнія, а съ этимъ вмѣстѣ и воспитанія.

Конечно, польско-латинская образованность и іезуитская законченная система воспитанія оказали народу огромныя услуги. Были и отрицательные результаты взаимоотношеній славянской и латинской культуръ, но о нихъ сейчасъ нѣтъ рѣчи.

Таково было въ общихъ чертахъ воспитаніе въ до-Петровской Руси, въ церковномъ періодѣ и періодѣ исканій новаго идеала жизни.

Петръ совершаетъ переоцѣнку всѣхъ прежнихъ цѣнностей, отвергая эволюцію, производитъ положительно революцію въ русскомъ воспитаніи. Крѣпко зацѣпившись сильными, мускулистыми руками за рычагъ государственной машины, великій Петръ не забылъ и дѣла воспитанія; больше,—онъ обратилъ его въ *первую задачу государственной работы*, и въ этомъ огромная заслуга Петра. Но Петръ *подчинилъ* всецѣло воспитываемую имъ *личность государственной идеѣ*, сложной государственной машинѣ, внутренно двигательной силой ко-

торой въ сущности былъ самъ Петръ. Для умѣлаго обращенія съ государственной машиной понадобились въ качествѣ помощниковъ Петру, набольшему на тронѣ вѣчному работнику, другія рабочія руки, почувствовалась необходимость создать спеціалистовъ-профессіоналовъ. Понадобились прежде всего *знанія*, причемъ знанія эти пріобрѣтались не изъ безкорыстной жажды новыхъ и новыхъ свѣдѣній, независимо отъ той пользы, которую они принесутъ, а, исключительно, *ради утилитарныхъ соображеній*. Пріобрѣтеніе знаній носило служебный характеръ, помогать государству, приготовляя цѣлый кадръ годныхъ для государственной службы лицъ. Надъ прошлымъ образовалась брешь, такъ какъ съ исторіей, какъ со старымъ, Петръ совсѣмъ не считался. Передавая знанія, *о воспитаніи не думали*. Что въ сердцѣ народа, каковы его идеалы, до этого никому не было дѣла, лишь бы пригодны и сильны были руки, лишь бы человѣкъ служилъ государству въ качествѣ того или другого спеціалиста. Судьба общаго воспитанія и образованія глубоко печальна: *общее образованіе* осталось, какъ тогда считали, *для отрепьевъ* общества, бѣдняковъ, для разночинцевъ, все лучшее, здоровое, сильное, сочное, забывъ великую силу гуманитарнаго образованія, ушло по спеціальностямъ.

Всѣ эти идеи проводились Петромъ рѣшительно, спѣшно, съ полнымъ сознаемъ правоты начатаго дѣла.

Помимо всего высказаннаго, *педагогическое*, воспитательное *воздѣйствіе* въ самой школѣ и въ людскихъ отношеніяхъ *замѣнено* было чисто *юридическимъ*. Вмѣсто воспитателей учебныхъ заведеній появились начальники заведеній; вмѣсто внутренней, идеальной школьной дисциплины — одна лишь внѣшняя. Стали школить, дрессировать, муштровать, но не воспитывать.

Школа не входила въ жизнь, составляя одно цѣлое съ этою жизнью, какъ это *часто* сохранялось въ до-Петровской Руси въ

церковно-приходскихъ школахъ; нѣтъ, теперь *школа*, какъ государственное дѣтище, исключительно служа цѣлямъ его, совсѣмъ *разорвала съ семьей*, а, слѣдовательно, и съ зарождающейся общественной жизнью. Не только дѣти не желали школы, но и родители упорствовали, стремясь всячески уклониться отъ посылки дѣтей въ школу. Но сильная государственная рука вырывала дѣтей отъ семейнаго очага, *принудительно* уводила ихъ въ государственную школу и, по истеченіи извѣстнаго времени пребыванія дѣтей въ ней, настолько перерабатывала ихъ, что создавала въ итогѣ рознь отцовъ и дѣтей въ жизни. Старое и новое вступило въ единоборство. Желѣзная рука властнаго, фанатически охваченнаго идеей усиленія государственности въ русской жизни, упорствующаго Петра не пощадила и собственнаго сына. Разрывая эволюцію, уничтожая старое до основанія, Петръ принесъ на алтарь намѣченнаго имъ будущаго сына Алексѣя, какъ жертву новаго воспитанія. Кровавыя страницы пытокъ, перенесенныхъ Алешей въ застѣнкахъ прошлаго, есть расплата человѣка—наслѣдника престола—за историческую связь съ прошлымъ. Муки Алексѣя раскрываютъ передъ нами въ воспоминаніяхъ тяжелую жизненную драму Петра. За надрывъ эволюціи, ради дальняго, Петръ заплатилъ ближнимъ—жизнью собственнаго сына Алексѣя.

Несмотря на извращеніе многихъ истинныхъ задачъ воспитанія, какъ-то подчиненіе личности и самой школы государству, уничтоженіе значенія воспитывающаго обученія, замѣна воспитательнаго вліянія юридическимъ, господство внѣшней дисциплины надъ внутренней, Петровское время въ исторіи русскаго воспитанія и образованія оставило замѣтный, хорошій и *долговременный слѣдъ*. Въ самомъ дѣлѣ, немалая заслуга Петра заключается въ томъ, что государство *законодательнымъ путемъ* старалось урегулировать образованіе народа. Къ несчастію, образованіе это свелось исключительно къ профессіональному образованію.

Кромѣ того, при Петрѣ на образованіе была отведена *отдѣльная статья государственныхъ расходовъ*, и эта статья необходимо входила въ смѣту государственныхъ издержекъ. Это ново и цѣнно.

При всѣхъ недостаткахъ односторонняго, профессіональнаго образованія, Петръ все же сумѣлъ привить русскому народу привычку учиться, *„привычку къ учёбѣ“*.

Помимо всего высказаннаго, необходимо отмѣтить слѣдующее: до Петра истинной общественности въ русскомъ народѣ не было; устройствомъ же ассамблей, куда впервые привлечена была и женщина, Петръ первый *создалъ подобіе общественности*. Это была фальсифицированная общественность, внѣшне понятая, какъ свѣтская жизнь общества, ограничивающаяся придворными балами, танцами, роскошными обѣдами съ щедрымъ возліяніемъ Бахусу, но тѣмъ не менѣе это была ячейка зарождающейся общественности. Ни о какой истинной гражданственности, развитой соціальной жизни въ то время, конечно, не могло быть и рѣчи.

Екатерина II, вѣрная завѣтамъ Петра, тѣмъ не менѣе многое измѣнила въ жизни своего народа; особенно рѣзко разошлась она съ нимъ по вопросамъ воспитанія. Если Петръ образованіе ставилъ выше воспитанія, какъ бы отрицая послѣднее, Екатерина Великая поступала обратно: не столько умъ, сколько сердце, развитіе чувствительности, но не накопленіе знаній интересовали самодержавную воспитательницу. Особенно ярко сказались воспитательные идеалы бабки въ ея отношеніяхъ, какъ педагога, къ любимому внуку—Александру. Вопреки Петру, Екатерина вмѣстѣ со своимъ великимъ помощникомъ Бецкимъ выдвинула *общее воспитаніе и образованіе*, а также *женское воспитаніе*, какъ первую и главнѣйшую задачу государственнаго попеченія о жизни многомилліоннаго русскаго населенія. И въ этомъ безсмертная заслуга великой Императрицы.

Но, къ сожалѣнію, вѣкъ Екатерины II, съ представителемъ новой системы воспитанія Бецкимъ, отличался *характеромъ теоретической пересадки западныхъ образцовъ* на русскую почву, безъ всякаго историческаго изслѣдованія этой почвы. Вотъ почему, результаты либеральныхъ и, по существу, добрыхъ начинаній этого времени оказались безпочвенными, худосочными, вялыми, совсѣмъ не жизненными.

Закрытыя учебныя заведенія по системѣ Бецкаго, со Смольнымъ Монастыремъ въ авангардѣ, насквозь пропитанныя гуманными задачами, правда не всегда, но очень часто выпускали пустоцвѣты, махровые цвѣты, недозрѣлые плоды. Въ стѣнахъ Институтовъ не подготовляли къ борьбѣ съ жизненными невзгодами, не вооружали для этой борьбы ни достаточнымъ количествомъ солидныхъ знаній, ни нравственной, ни волевой силой. Конечно, были исключенія, но мы, обращая свое вниманіе на общую массу воспитуемыхъ, жизненно неподготовленныхъ лицъ, не можемъ по исключеніямъ составить себѣ иного, чѣмъ высказанное, представленіе о времени великой Екатерины.

Правда, этотъ вѣкъ внесъ новое въ сухую, юридическую машинообразную жизнь Петровскаго времени, онъ хотѣлъ дать то, что Бѣлинскій называлъ, «осердечный умъ», но на дѣлѣ вѣкъ этотъ ввелъ въ систему отрицаніе ума.

И къ этому пришелъ вѣкъ энциклопедистовъ, вѣкъ блестящаго Вольтера, послѣдовательницей и поклонницей котораго была Екатерина II! Рѣзкій диссонансъ, непонятное противорѣчіе! Отсутствіе устойчивости, постоянства, опредѣленности въ настроеніяхъ Императрицы частью объясняютъ намъ указанныя противорѣчія.

Подводя итогъ Екатерининскому времени съ характеромъ теоретическаго либерализированія, нельзя обойти молчаніемъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ именъ, какъ яркихъ звѣздъ, пробивающихся сквозь застланный тучами, но съ кое-гдѣ видимыми,

голубыми, яркими просвѣтами, темный небосклонъ прошлаго. Одно изъ такихъ именъ—имя Янковичъ де-Миріево, выходца изъ Австріи, много поработавшаго на пользу русскаго народнаго образованія. Императрица ему горячо покровительствовала, но общая атмосфера этого времени, инертность массы, враждебное, подчасъ, настроеніе и самой Императрицы по отношенію къ лучшимъ начинаніямъ лучшихъ людей и къ образованію, правда, теперь уже *не принудительному*, затѣмъ отсутствіе истинной общественности, мало способствовали успѣшному и быстрому развитію добрыхъ, безусловно полезныхъ, начинаній Янковичъ де-Миріево.

Для другихъ двухъ именъ Екатерининское время было, положительно, прокрустовымъ ложемъ. По истинѣ, Новиковъ и украйнскій философъ Сковорода, родствомъ съ которымъ въ свое время гордился нашъ великій философъ Вл. Соловьевъ, шли противъ основныхъ стремленій Императрицы; оба они жили и учили сверхъ вѣка блестящихъ Екатерининскихъ орловъ, а Новиковъ даже былъ гонимъ Императрицей. Новиковъ, ревнитель образованія, въ извѣстной степени и практикъ воспитанія, какъ устроитель училищъ, первый *сознательно потребовалъ развитія общественнаго воспитанія*. Такимъ образомъ, Новиковъ внесъ соціальный элементъ въ школу, истинную гражданственность; онъ же первый призвалъ общество, какъ частную иниціативу, къ дѣлу воспитанія подрастающаго молодого поколѣнія.

Сковорода, педагогъ-философъ конца XVIII вѣка, впервые показалъ намъ, что *вопросы воспитанія могутъ быть философски обоснованы*. Странствующій философъ-воспитатель стремился связать педагогику съ философіей и тѣмъ самымъ указалъ будущимъ изслѣдователямъ на необходимость обоснованія таковой связи.

Правда, педагогическія идеи Янковича, Новикова и Сковороды не были полно разработаны, не вылились въ

опредѣленное, законченное міровоззрѣніе, но онѣ, какъ части новаго, дожидались болѣе благопріятнаго историческаго времени, чтобы, появившись снова, развиться въ полныхъ педагогическихъ системахъ новыхъ реформаторовъ. Идеи ихъ какъ будто бы хотѣли осуществить слова Христа о зернѣ: «не оживетъ, аще не умретъ». Невелика количествомъ была оставлена закваска ихъ потомкамъ, но вѣдь немного вещества нужно въ тѣсто, чтобы вызвать въ немъ живительное броженіе.

Всѣ поименованныя лица дѣйствовали въ темныхъ сумеркахъ прошлаго, главнымъ образомъ, *нравственной силой*, а нравственное вліяніе, какъ органическое начало дѣйствуетъ не механически, а динамически, ждетъ времени для пророста и процвѣтанія.

Въ итогѣ прошлой, до-Пироговской педагогики нравственныя, новыя начала воспитанія украдкой западали въ массы. Новое, дѣйствительно, вызывало броженіе и незамѣтно измѣняло направленіе умовъ, возбуждало весь нравственный строй души къ принятію полнаго новаго. Душа народа, какъ вѣрно настроенный инструментъ, ждала искуснаго артиста: онъ долженъ былъ извлечь изъ нея силой творческаго вдохновенія всю гамму скрытыхъ еще многообразныхъ, сильныхъ и богатыхъ звуковъ, характеризующихъ нравственное содержаніе цѣлаго. Эту роль великаго артиста взялъ на себя нашъ первый реформаторъ воспитанія Н. И. Пироговъ.

Закваска, заложенная уже въ XIV вѣкѣ Сергіемъ Радонежскимъ, въ XVI вѣкѣ—Петромъ Могилой, въ Екатерининское время—митрополитомъ московскимъ Платономъ, удивительно образцовымъ педагогомъ—администраторомъ того времени, а затѣмъ прибавка бродильнаго начала такими дѣятелями, какъ Янковичъ де-Міріево, Новиковъ и Сковорода, пригодились въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, когда выразителемъ назрѣвшей потребности народа, потребности духовнаго обно-

вленія явился великій педагогъ-реформаторъ Н. И. Пироговъ, съ его безсмертными, рожденными, въ родовыхъ мукахъ кровавыхъ дней Севастополя, «Вопросами жизни».

Съ облегченіемъ вздохнулъ міръ, почувствовавъ, что насталъ конецъ прежнему хаосу въ русскомъ воспитаніи.

Н. И. Пироговъ въ словѣ и дѣлѣ отдалъ себя самого русскому народу: онъ создалъ пережитую имъ полную систему воспитанія; онъ спасъ русскій народъ отъ застарѣлаго грѣха—пренебреженія дѣломъ истиннаго образованія и воспитанія; онъ черезъ себя открылъ намъ насъ самихъ и, отыскавъ лучшее въ насъ, обнаруживъ и обнародовавъ это свѣтлое, вдохнулъ въ насъ вѣру въ будущее, *заставилъ полюбить нашъ народъ для блага человѣчества, какъ истинный другъ его.*

ЛИЧНЫЯ СВОЙСТВА Н. И. ПИРОГОВА
И УСЛОВІЯ, ВЫЗВАВШІЯ ИХЪ.

ГЛАВА II.

Личныя свойства Н. И. Пирогова и условія, вызвавшія ихъ.

Главная основа характера Н. И. Пирогова—безконечная любовь его къ человѣку. Любовь къ людямъ пронизывала все существо его, она сказалась даже на внѣшнемъ обликѣ его, въ чертахъ лица его. Честность изъ головы Н. И. Пирогова проникла въ сердце, усвоилась всѣмъ организмомъ, проявлялась въ каждомъ движеніи, въ манерахъ его. Многіе искали предлога, чтобы наглядѣться на его открытое лицо [1]). Дѣйствительно, глаза Н. И. Пирогова пронизывали насквозь каждаго, кто смотрѣлъ въ нихъ. Они какъ бы ставили духовный діагнозъ въ душѣ другого, вызывая сокровенную муть со дна души и зажигая жаждой подвига всеочищенія, полнаго оздоровленія. Видимая суровость являлась ничѣмъ инымъ, какъ требованіемъ безусловнаго добра. «Наши дѣла, наши мысли, стремленія и чувства не остаются скрытыми, все пережитое ложится на нашемъ лицѣ, отображается въ складкахъ и морщинахъ его», говорилъ не разъ Н. И. Пироговъ. Пережитое, на лицѣ Н. И. Пирогова, говорило всегда въ пользу его. Въ его любви не только къ человѣку, но и ко всему живому въ мірѣ заключалась великая сила его. Извѣстно, что Н. И. Пироговъ любилъ животныхъ, особенно кошекъ. Размышляя

---

[1]) См. Современная Лѣтопись 1861 г. №№ 19, 20 и 25. Прощ. Пирогова съ Кіевомъ.

надъ привязаностью людей къ животнымъ, вдумчивый философъ-педагогъ объяснялъ эту привязанность наличностью въ насъ мистическаго чувства. Слабость, молчаливость, подобіе человѣческихъ чувствъ въ животныхъ, польза, которую они намъ приносятъ, все это вызываетъ симпатію къ низшему существу. Н. И. Пироговъ, подъ конецъ своей жизни, невыразимо страдалъ и терзался, вспоминая о томъ, что онъ когда-то производилъ вивисекціи надъ животными для цѣлей научнаго изслѣдованія [1]). Самъ, одаренный чувствомъ глубокой любви ко всему живому въ мірѣ, онъ высоко цѣнилъ, вообще, чувства въ человѣкѣ, онъ зналъ, какъ согрѣваютъ и облегчаютъ они жизнь человѣка.

Декартовское «cogito ergo sum» Н. И. Пироговъ предлагалъ замѣнить «sentio ergo sum». Изъ всей гаммы разнообразныхъ чувствъ онъ выше всего ставилъ альтруистическое, христіанское чувство любви, разсматривая его, какъ рычагъ прогрессивнаго развитія жизни. Любить—значитъ все понять и все простить. А какъ это умѣлъ дѣлать Н. И. Пироговъ, будучи профессоромъ, начальникомъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія на войнѣ, попечителемъ Одесскаго и Кіевскаго округовъ, врачемъ богатыхъ и бѣдныхъ! Снисходительно прощая заблудшему, но жаждущему правды невольныя слабости его, Н. И. Пироговъ въ то же время умѣлъ глубоко негодовать справедливымъ негодованіемъ противъ лицъ, которыя не хотѣли закабалить свою мысль настолько, чтобы остановиться на $2 \times 2 = 4$. Распущенность мысли и воли для Н. И. Пирогова являлась страшнымъ недугомъ человѣчества, отъ котораго каждый изъ насъ долженъ беречься, если не хочетъ покончить съ собою самоубійствомъ или домомъ умалишенныхъ. Доводить свободу до утвержденія «я хочу—приму, хочу—нѣтъ»—это значитъ, го-

---

[1]) См. Автобіографія Н. И. Пирогова.

ворилъ онъ, извращать свободу, обращая ее въ произволъ человѣка. Волю слѣдуетъ подчинять нравственному закону, въ этомъ и заключается свобода человѣка отъ зла, проклятія и смерти. Такая разумно-нравственная, научная свобода горячо отстаивалась Н. И. Пироговымъ въ жизни. Такая свобода ни для кого не можетъ показаться пороховымъ погребомъ, отъ котораго проведены мины подъ государство, церковь и общественную жизнь. Н. И. Пироговъ всегда стоялъ за порядокъ и строгую дисциплину во всемъ, какъ условія, безъ которыхъ немыслимо поддерживать авторитетъ разумной власти. Онъ самъ говорилъ такъ: «я полагаю, что главное средство для усиленія какой бы то ни было власти состоитъ въ томъ, чтобы не сходить ни разу въ сторону съ предначертаннаго однажды пути, другими словами—знать хорошо и вѣрно, чего хочешь. Колебаться—это опасно для всякой власти». Будучи попечителемъ Одесскаго и Кіевскаго округовъ, онъ въ полной мѣрѣ осуществилъ высказанный имъ принципъ и слово умѣлъ переводить въ дѣло жизни. Н. И. Пироговъ боролся только противъ дряблости воли, разлада между идеями и негодовалъ на отсутствіе опредѣленной, нравственно-разумной цѣли въ жизни, что являлось хроническимъ недугомъ большинства наблюдаемыхъ имъ лицъ. Самъ онъ, вопреки неблагопріятнымъ условіямъ времени, рѣзко расходясь со всѣми окружающими, сумѣлъ выработать въ себѣ полное согласіе между умомъ, чувствомъ и волей. Единство, цѣльность, законченность, закругленность міровоззрѣнія, а отсюда логическая послѣдовательность всѣхъ его словъ и согласіе ихъ съ поступками, составляютъ отличительныя особенности Н. И. Пирогова. Н. И. Пироговъ *собственными усиліями* выработалъ въ себѣ законченную личность. Дѣйствительно, неутомимость во всякой работѣ и въ работѣ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ у Н. И. Пирогова была поразительная. Извѣстный хирургъ,

профессоръ Дерптскаго университета, Н. И. Пироговъ, неутомимо проработавъ цѣлую зиму, каждое лѣто, вмѣсто отдыха, совершалъ по Прибалтійскимъ губерніямъ такъ называемыя «чингисхановы нашествія», названныя такъ по массѣ пролитой крови при операціяхъ Н. И. Пирогова надъ хирургическими больными, въ видѣ слѣпыхъ, хромыхъ, страдающихъ разными наростами, увѣчныхъ и всякихъ другихъ несчастливцевъ человѣческаго рода, безъ различія племенъ, нарѣчій и сословій. Всѣмъ имъ умѣлъ помочь любвеобильный Н. И. Пироговъ.

Терпѣніе и выносливость его доходили до героизма. Стоитъ вспомнить, какъ, будучи врачемъ-хирургомъ во время Севастопольской компаніи, уже не молодой, 46-лѣтній Н. И. Пироговъ по нѣскольку часовъ простаивалъ на колѣняхъ, дѣлая сложныя операціи и перевязки на полѣ военныхъ дѣйствій въ военно-подвижныхъ госпиталяхъ. Бывало не одну, а цѣлый рядъ ночей, не раздѣваясь, проводилъ въ работѣ по оказанію помощи страдающему брату [1]). Такъ, любя человѣка, облегчалъ участь раненныхъ истинный другъ человѣчества, сдѣлавъ свыше 5.000 ампутацій. Работоспособность его соединялась съ аккуратностью въ распредѣленіи занятій, съ требовательностью къ другимъ. Будучи профессоромъ Дерптскаго университета, 26-лѣтній ученый распредѣлялъ такъ свои занятія: 8 часовъ занимался въ университетѣ, 8 часовъ приготовлялся къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ, и 8 часовъ посвящалъ на отдыхъ. Девизъ, съ которымъ Н. И. Пироговъ взошелъ на каѳедру руководителя другихъ, былъ такой: «Пусть учится у меня только тотъ, кто хочетъ учиться,— это его дѣло. Но, кто хочетъ у меня учиться, тотъ долженъ у меня чему-нибудь научиться,—это мое дѣло, такъ долженъ думать каждый совѣстливый преподаватель». Поставленный

---

[1]) Севастопольскія письма.

себѣ девизъ Н. И. Пироговъ въ полной мѣрѣ осуществилъ въ жизни. Одинъ уже перечень заслугъ Н. И. Пирогова въ медицинѣ говоритъ о немъ, какъ о выдающемся и удивительномъ работникѣ. Разработка вопроса о пластическихъ операціяхъ вообще, клиническая лѣтопись, хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій, полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла, отчетъ о путешествіи на Кавказѣ, патологическая анатомія азіатской холеры, неподвижная гипсовая повязка, начала общей военной полевой хирургіи, врачебное дѣло, частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи, анатомическій атласъ etc. Прибавьте къ этому плодотворную педагогическую дѣятельность, и вы увидите, что Н. И. Пироговъ сумѣлъ развить въ полной мѣрѣ тотъ талантъ, которымъ Богъ такъ щедро наградилъ его.

При всѣхъ трудныхъ и сложныхъ случаяхъ жизни Н. И. Пироговъ былъ находчивъ, веселъ, остроуменъ, а по отношенію къ солдату и своимъ подчиненнымъ всегда доступенъ. Не начальникъ въ должности IV класса, а полный любви старшій товарищъ, спѣшившій безкорыстно передать другимъ свой многолѣтній опытъ, вотъ каковъ былъ Н. И. Пироговъ, какъ административная сила, куда бы судьба ни ставила и ни забрасывала его въ качествѣ начальника другихъ. Къ нему могли обращаться со всевозможными просьбами, жалобами; онъ всегда всѣхъ выслушивалъ и дѣлалъ все, отъ него зависящее. Зато и чтили же его всѣ, а солдаты даже надѣляли сверхъестественной силой. Сохранилось такое воспоминаніе [1]). Однажды на перевязочный пунктъ несутъ на носилкахъ солдата безъ головы; докторъ, стоя въ дверяхъ, машетъ руками и кричитъ солдатамъ; «куда несете, вѣдь видите, что онъ безъ головы?!» А солдаты съ глубокой вѣ-

---

[1]) См. Ю. Г. Малисъ, „Н. И. Пироговъ въ Крымскую кампанію“.

рой спокойно отвѣчаютъ: «ничего, ваше благородіе, голову несутъ за нами; господинъ Пироговъ какъ-нибудь привяжетъ, авось еще пригодится нашъ братъ-солдатъ».

Разсказываютъ еще слѣдующее объ этомъ удивительномъ, скромномъ и всегда доступномъ человѣкѣ: на урокѣ ариѳметики въ Александровскомъ училищѣ (Новороссійскаго края), куда Пироговъ пріѣхалъ въ качествѣ высшей ревизующей власти, Пироговъ спросилъ учителя:

— Умѣютъ-ли ваши ученики рѣшать задачи устно?

— Нѣтъ, я не практиковалъ такимъ способомъ—отвѣтилъ смутившійся математикъ.

— А вотъ попробуемъ вмѣстѣ,—сказалъ Пироговъ,—предложите кому-нибудь легонькую задачу на небольшія числа.

Классъ оживился, дѣло пошло.

Знаменитый педагогъ, въ дорожномъ драповомъ сюртукѣ, покрытомъ пухомъ, скромно сидящій на скамейкѣ съ учениками, простыми привѣтливыми словами—а вотъ попробуемъ вмѣстѣ—производитъ на всѣхъ глубокое чарующее впечатлѣніе.

А вотъ еще знаменательная сценка.

Въ Екатеринославскомъ училищѣ пришлось переночевать Пирогову у учителя.

— Я напоилъ, разсказываетъ учитель, чайкомъ своего высокаго гостя, угостилъ чѣмъ Богъ послалъ, а затѣмъ сталъ хлопотать, какъ бы поудобнѣе устроить ему ночлегъ.

— Пожалуйста, не безпокойтесь. Я лягу на полу, замѣтилъ Н. И.—да и сами ложитесь здѣсь. Побесѣдуемъ, пока заснется.

— Какъ много интереснаго и полезнаго узналъ я за эту ночную бесѣду отъ великаго педагога—добавляетъ съ восторгомъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. И. Пироговѣ екатеринославскій учитель.

И всегда Н. И. Пироговъ приходилъ въ гимназію пѣшкомъ, въ грязную погоду въ неизмѣнныхъ большихъ кало-

шахъ-корабляхъ съ засученными панталонами, пробирался черезъ корридоръ и входилъ въ классъ часто прежде, чѣмъ кто-нибудь въ гимназіи успѣвалъ узнать о его появленіи. Если его встрѣчалъ директоръ и хотѣлъ сопровождать, онъ просилъ его возвратиться къ своимъ обязанностямъ, садился на свободную парту и, запрятавъ руки въ широкіе рукава сюртука, слѣдилъ за урокомъ, предлагалъ вопросы, любилъ вызывать на разсужденія учениковъ, скоро переставшихъ его бояться, и смѣялся, если ученикъ зарапортуется.

Любовь къ человѣку, воодушевляя Н. И. Пирогова работать съ желѣзной настойчивостью на пользу человѣчества, выработала въ немъ удивительную безкорыстность души. Часто бѣдняки-больные съ массой разнообразныхъ недуговъ приходили въ пріемные часы къ знаменитому хирургу и за внимательный, полуторачасовой осмотръ, конфузясь, оставляли на столѣ въ видѣ благодарности двугривенный. Больной могъ бы положить старыя онучи, и великій врачъ не замѣтилъ бы, настолько онъ былъ поглощенъ осмотромъ больного и стремленіемъ помочь ему; другіе могли бы обмѣнять двугривенный на рубли, не будучи остановлены безкорыстнымъ хирургомъ.

Безкорыстіе Пирогова, величіе его души соединены были въ немъ съ поразительной скромностью. Если великій хирургъ, докторъ, профессоръ Пироговъ въ діагнозѣ болѣзней дѣлалъ тѣ или другія ошибки, то онъ умѣлъ смѣло и открыто въ нихъ признаться. Сохранились до нашего времени выгравированныя на московскомъ памятникѣ Пирогову, что на Дѣвичьемъ полѣ, слова, сказанныя имъ о себѣ самомъ: «я положилъ себѣ за правило при первомъ моемъ вступленіи на каѳедру ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ и, если не сейчасъ же, то потомъ и не медля открывать передъ ними сдѣланную мною ошибку, будетъ ли она въ діагнозѣ или въ лѣченіи болѣзни». Не боясь потерять авторитетъ профессора-

учителя, онъ, дѣйствительно, геройски обнажалъ свои промахи предъ учениками. Указаніемъ ошибокъ у постели больного онъ училъ, въ качествѣ профессора, молодое поколѣніе, какъ не слѣдуетъ лѣчить больного, и такая прямота характера его вызвала глубокое къ нему уваженіе не только молодежи, но и стариковъ—заслуженныхъ профессоровъ. Когда Н. И. Пироговымъ были публично печатно обнаружены ошибки, сдѣланныя имъ за время его профессуры въ Дерптѣ, одинъ изъ критиковъ сталъ, какъ выразился Н. И. Пироговъ, «валять меня». «Я объявилъ студентамъ слѣдующее», замѣчаетъ далѣе Пироговъ: «критикъ выставилъ эти ошибки, но не показалъ еще другихъ» и сталъ имъ перечислять всѣ свои ошибки. Студенты одобрили меня, а старый заслуженный профессоръ ночью пришелъ ко мнѣ послѣ этого случая и, крѣпко пожавъ руку, сказалъ мнѣ—„ich respektiere Sie“.— За это „respektiere“, продолжаетъ Пироговъ въ своей автобіографіи, я готовъ былъ перенести не одну, а тысячу критикъ».

Вездѣ и всюду, а особенно въ воспитаніи, Н. И. Пироговъ проводилъ совершенное и абсолютное прямодушіе и искренность. «Вы увѣрились, говорилъ онъ кіевскимъ студентамъ, что я водворялъ въ васъ уваженіе къ закону, дѣлу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ». Автобіографія Пирогова краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о рѣдко искреннемъ, безъ всякой рисовки, человѣкѣ. Одинаково спокойно Н. И. Пироговъ говоритъ въ дневникѣ и о своихъ достоинствахъ, и о своихъ недостаткахъ, и о сдѣланныхъ имъ въ жизни ошибкахъ. „Я слишкомъ часто ссылаюсь на себя, говорилъ Н. И. Пироговъ, это я знаю, съ моей стороны навязчиво, но что-же дѣлать: если другіе не отдаютъ справеливости, то каждый обзянъ къ себѣ быть справедливымъ. Пусть узнаютъ, кто хочетъ знать, что я не толокъ воду 30 лѣтъ“.

Мягкое обращеніе Пирогова враги его принимали за распущенность. Они не понимали, что Пироговъ нравственно воспитывалъ, путемъ развитія нравственной связи и взаимнаго довѣрія между учащими и учащимися. Весь строй школы, духъ заведенія подъ управленіемъ Пирогова насквозь былъ пропитанъ педагогической атмосферой въ лучшемъ значеніи этого слова, отъ чего и зависѣлъ успѣхъ учебнаго и воспитательнаго дѣла.

Внося нравственный принципъ въ воспитаніе и жизнь, Н. И. Пироговъ всегда предупреждалъ другихъ и воздерживался самъ отъ циничной откровенности. «Чистоплотность нужна намъ, говоритъ онъ, не на показъ только. Циническіе поступки лучше не подвергать анализу, иначе попадешь въ ретирады души. У насъ на днѣ души довольно грязи; если взбаламутишь, потомъ самъ не отличишь чистаго отъ грязнаго. Если съ самимъ собою надо быть откровеннымъ, тѣмъ не менѣе не надо забывать, что у насъ могутъ быть нечистыя мысли и ихъ-то надо умѣть отгонять». Самъ Н. И. Пироговъ обладалъ, дѣйствительно, огромной силой воли уничтожать и побѣждать въ себѣ злое, выдвигая принципъ добра въ качествѣ основы для опредѣленія своихъ дѣйствій. «Кто умѣетъ во время привыкнуть и отвыкнуть, тотъ постигъ жизнь», говорилъ Н. И. Пироговъ. Неутомимо вырабатывая въ себѣ добрыя привычки, Н. И. Пироговъ искусно овладѣлъ тайной жить мудро и нравственно. Онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями, наоборотъ, они вдохновляли его. Долгимъ подвигомъ жизни Н. И. Пироговъ сумѣлъ сдѣлать добро главной пружиной своихъ дѣйствій. Обладая огромной волевой энергіей, Н. И. Пироговъ тѣмъ не менѣе считалъ, что человѣкъ слишкомъ слабъ и грѣшенъ, чтобы достигнуть собственными силами осуществленія полностью добра на землѣ. Безъ Божественной помощи, предопредѣляющей жизнь, безъ благодати свыше, думалъ Н. И. Пироговъ, нельзя достигнуть

идеальнаго совершенства. Глубокая вѣра въ Бога у Н. И. Пирогова, знающаго тонко человѣческій организмъ, строеніе мозга, движеніе молекулярныхъ частицъ его,—новая личная черта великаго русскаго педагога. «Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ», не разъ говорилъ Н. И. Пироговъ, и ему, дѣйствительно, тепло и хорошо было жить: въ самыя тяжелыя минуты испытаній рука премудраго Творца всегда избавляла его отъ отчаянія.

Не сразу дошелъ Н. И. Пироговъ до взгляда, что наличность въ насъ вѣры, присущей человѣку, какъ разумному существу, отличаетъ человѣка отъ животныхъ. Только 38 лѣтъ принялся Н. И. Пироговъ за ученіе Евангелія, когда, какъ онъ выражался, погромъ обрядовой религіи уже совершился, и въ немъ проснулись глубочайшіе запросы самосознанія, потребность вѣры. Онъ отдалъ дань молодости, порѣ увлеченій, и онъ по своему перебѣсился. Вмѣстѣ со студенческой молодежью 10-го номера московскаго общежитія, атеистическое міровоззрѣніе Н. И. Пирогова сводилось къ отвлеченной формулѣ: прошедшаго не возвратишь, настоящаго нѣтъ, а будущее неизвѣстно. Разрушительныя стремленія молодежи, среди которой вращался Н. И. Пироговъ, молодежи, которую теперь, пожалуй, сочли бы за притонъ нигилистовъ, для Н. И. Пирогова были увлеченіемъ молодости, отрицаніемъ, предваряющимъ созданіе въ немъ прочныхъ и стойкихъ убѣжденій. Вѣроятно, благодаря 10-му номеру, вѣра въ Бога, въ безсмертіе души и торжество идеала вылились у Н. И. Пирогова къ 38 годамъ его жизни въ форму, дѣйствительно, горячаго и прочнаго убѣжденія. Отношеніе его къ вопросамъ вѣры было глубоко трогательное. По его мнѣнію, культурное общество не можетъ допускать безцеремоннаго обращенія ни съ кѣмъ, и въ особенности съ Богомъ. Чѣмъ бы человѣкъ ни занимался, ему не уйти и не отдѣлаться отъ назойливыхъ вопросовъ,

въ родѣ слѣдующихъ: во что человѣкъ вѣруетъ? согласны ли его убѣжденія съ убѣжденіями науки? есть ли безсмертіе? и такъ далѣе. Н. И. Пироговъ рекомендовалъ отвѣчать на всѣ эти вопросы только искренно, безъ всякой фальши. «Я нисколько», говоритъ онъ, «не скандализированъ, что произошелъ отъ обезьяны, тѣмъ больше чести уму, что хотя бы и случайно сумѣлъ выйти въ люди. Знаю теперь ясно, что я могъ бы отрицать существованіе Бога не иначе, какъ сойдя съ ума». Рядомъ съ этой фразой у Пирогова есть и другая: «для меня, говоритъ онъ, не менѣе вѣроятенъ и обратный переходъ человѣка въ обезьяну, совершающійся почти на нашихъ глазахъ», т. е. когда человѣкъ отъ Богочеловѣческаго образа переходитъ къ звѣрочеловѣческому.

Д-ръ медицины Пясковскій въ своей работѣ «Пироговъ, какъ философъ, психологъ и богословъ» (Вопросы философіи и психол. 1893, кн. 16) знакомитъ съ тѣмъ процессомъ духовнаго развитія Пирогова, который отъ деизма приводитъ Пирогова къ сердечному теистическому вѣрованію въ личнаго Бога. Потребность сердца, потребность высшаго подъема нравственнаго элемента, потребность идеала, идеала высоконедосягаемаго, превозмогшаго всякую дѣйствительность,—у Н. И. были выше эмпиризма, которому онъ такъ долго служилъ вѣрою и правдою, какъ врачъ, хирургъ и анатомъ.

«Гдѣ самосознаніе, тамъ вѣра... сомнѣніе, вотъ основа знанія. Безусловное довѣріе къ избранному идеалу—вотъ начало вѣры... Безграничное и вѣчное не только есть постулатъ нашего разума, но и самый громадный фактъ... Всеобъемлющая любовь и благодать св. Духа—это два самые существенные элемента идеала вѣры Христовой, отличающей ее отъ морали, какъ небо отъ земли... Верховный вселенскій Разумъ и Верховная Воля дѣлаются доступнѣе для насъ въ лицѣ Богочеловѣчества... искренно вѣрую въ ученіе Христа Спасителя!..» вотъ что говоритъ намъ о сво-

ихъ вѣрованіяхъ въ посмертныхъ запискахъ своихъ Н. И. Пироговъ.

И не только на склонѣ лѣтъ, но и въ расцвѣтѣ своихъ силъ и геніальной умственной и научной дѣятельности Пироговъ, какъ мы видимъ, былъ уже вѣрующимъ, вполнѣ религіознымъ человѣкомъ. При этомъ, добавляетъ Д-ръ Пясковскій, Н. И. является не только вѣрующимъ христіаниномъ, но и *православнымъ*, признающимъ необходимымъ іерархическій, обрядовый и вообще церковный строй своей вѣры [1]). Религіозность, связанная съ признаніемъ цѣлесообразности, причинности, плана и разумной мысли во всякомъ проявленіи міровой жизни, вотъ что являлось неоспоримымъ для великаго русскаго хирурга, анатома, врача и реформатора педагога. Жажда заглянуть за кулисы позитивизма привела Н. И. Пирогова къ вѣрѣ въ нравственный міропорядокъ, а осуществленіе нравственной цѣли здѣсь, на землѣ, сдѣлалось для него вопросомъ жизни. Вотъ отчего у него выработалось, какъ въ свое время сказалъ о немъ другой русскій педагогъ Стоюнинъ, постоянное честное отношеніе къ обществу, въ какія бы отношенія жизнь ни ставила его къ этому обществу; отсюда же явилась у Н. И. Пирогова безкорыстная преданность къ своему дѣлу.

Приведя собственными усиліями душевный складъ къ полной гармоніи, Н. И. Пироговъ находилъ, что даръ предвидѣнія, предусмотрительность, новыя концепціи міра вырабатываются въ насъ больше всего благодаря фантазіи. Вотъ отчего въ жизни онъ такъ высоко цѣнилъ фантазію, не въ смыслѣ усыпляющей мечтательности, но въ смыслѣ творчества, Einbildungskraft, какъ называютъ эту способность нѣмцы. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Н. И. Пироговъ: «Все высокое и прекрасное въ нашей жизни, наукѣ

---

[1]) Ibid. стр. 18.

и искусствѣ создано умомъ съ помощью фантазіи и многое фантазіей при помощи ума. Можно смѣло утверждать, что ни Коперникъ, ни Ньютонъ не пріобрѣли бы безъ помощи фантазіи того значенія въ наукѣ, которымъ они пользуются. Между тѣмъ нерѣдко въ жизни, и въ наукѣ, и даже въ искусствѣ слышатся возгласы противъ фантазіи и не только противъ увлеченія ея, но и противъ ея нормальной функціи». Мертвая сушь, царившая вокругъ въ жизни, вялость и тряпичность людей была особенно невыносима творческому складу личности Н. И. Пирогова. Къ чему бы онъ ни прилагалъ свои силы, къ тѣлу или душѣ человѣка, онъ всюду вносилъ вдохновеніе и творчество. Съ этой силой онъ, какъ поэтъ, умѣлъ обрѣсти идеалъ во всемъ, гдѣ идеальнаго другіе и не подозрѣвали. Вотъ отчего мысль Н. И. Пирогова, проникая въ форму слова, дѣлалась и дѣлается до сихъ поръ способной вызывать чувство укоризны у нерадивыхъ, воодушевляя на доброе несмѣлыхъ. И старикъ, и юноша найдутъ силы почерпнуть поддержку въ геніальномъ творчествѣ безсмертнаго Н. И. Пирогова!

Рѣдкая выдержанность и выработанное подвигомъ жизни спокойствіе, въ сущности по природѣ горячаго, Н. И. Пирогова поражали всѣхъ. Стоитъ вспомнить, какъ въ день юбилейнаго торжества и празднествъ, 24-го мая 1881 г., когда вся Россія и Европа чествовали великаго русскаго гражданина, уже осужденнаго болѣзнью на смерть, профессоръ Н. В. Склифассовскій объявилъ Н. И. Пирогову о необходимости операціи злокачественной опухоли на небѣ.

Великій хирургъ, почтенный старецъ спокойно выслушалъ, ни одна мышца на лицѣ не дрогнула. Въ эту минуту своимъ олимпійскимъ спокойствіемъ на челѣ Н. И. Пироговъ напоминалъ древняго мудреца Сократа, когда тотъ, осужденный на смерть, въ тюрьмѣ, съ ядомъ въ рукахъ, на порогѣ вѣчности велъ привычную бесѣду со своими учени-

ками и училъ ихъ. Такъ умѣютъ встрѣчать смерть только смертные съ печатью Бога на челѣ! Н. И. Пироговъ спокойно, какъ будто рѣчь шла не о немъ, замѣтилъ профессору Склифассовскому: «сейчасъ мы окончили торжество, не будемъ устраивать тризну. Пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню». Но операціи не суждено было состояться.

Выдержанность и стойкость характера Н. И. Пирогова объясняются его глубокой вѣрой въ лучшее будущее и надеждой на осуществленіе добра на землѣ. Такъ безконечная любовь къ человѣку и человѣчеству вызывала въ немъ вѣру въ добро и выработала изъ него убѣжденнаго оптимиста. Всѣмъ памятенъ грустный, глубоко потрясшій всѣхъ фактъ цареубійства въ 1881 г., Александра II, Царя-Освободителя. Этотъ ужасный годъ—годъ юбилея Н. И. Пирогова!

Скорбно и съ глубокимъ возмущеніемъ говоритъ Н. И. Пироговъ въ своей автобіографіи объ этомъ фактѣ; и тѣмъ не менѣе, и въ эти тяжелыя минуты жизни Н. И. Пироговъ не терялъ присутствія духа, не терялъ своего оптимизма. Какъ полонъ онъ былъ вѣры въ лучшее будущее и въ эту смутную эпоху государственной и соціальной жизни, видно изъ словъ, сказанныхъ имъ на своемъ юбилейномъ торжествѣ: «потрясающія событія послѣдняго времени, ураганы жизни... все это необходимо и бояться ихъ и опасаться за будущее Россіи не слѣдуетъ. Слѣдуетъ надѣяться,—закончилъ юбиляръ,—и это говоритъ вамъ человѣкъ, стоящій передъ вѣчностью, что, руководимая своимъ Державнымъ Вождемъ, Россія пойдетъ впередъ по тому великому пути развитія и прогресса, на который поставилъ ее незабвенный почившій Императоръ». Въ знаменательный день 24-го мая 1881 г. московское общество подводило итогъ 50-лѣтней службы Н. И. Пирогова, службы вѣрой и правдой русскому обществу и государству. Н. И. Пироговъ послужилъ родинѣ, какъ врачъ, какъ профессоръ, администраторъ-попечитель, какъ публицистъ и пе-

дагогъ. Въ понятіи каждаго Н. И. Пироговъ отожествлялся съ безусловной правдой, искренностью, неустаннымъ трудомъ, глубокими знаніями, блестящими дарованіями и беззавѣтной преданностью родинѣ и человѣчеству. Объ этихъ качествахъ его одинаково, съ рѣдкимъ единодушіемъ, свидѣтельствуютъ: Дерптскій университетъ, гдѣ Н. И. Пироговъ началъ свою профессорскую дѣятельность, и медико-хирургическая академія, петербургскіе военные госпитали и севастопольскіе перевязочные пункты, Одесскій и Кіевскій учебные округа, община Краснаго Креста, госпитали Эльзаса, лазареты Лотарингіи и, наконецъ, больные и раненные послѣдней нашей войны въ Болгаріи и Румыніи. Вездѣ на поименованныхъ мѣстахъ Н. И. Пироговъ былъ вѣренъ девизу «быть, а не казаться» и проводилъ въ дѣло принципы друга человѣчества.

Его умъ и тонкое нравственное чутье, правдивость, не знающая компромиссовъ, не могли не создавать ему рядъ непріятностей въ жизни. Н. И. Пироговъ о себѣ говоритъ слѣдующее: «Я безкорыстно посвятилъ всю свою жизнь служенію истинѣ и отечеству. Я вѣрую въ немезисъ, хотя еще болѣе вѣрую въ Божье правосудіе. Враги мои ненавидѣли меня за то, что я не былъ уступчивъ, что искательства были мнѣ чужды и что я выше ихъ всѣхъ чтилъ истину»... [1]). Стоитъ вспомнить враждебную непозволительную критическую статью противъ Пирогова д-ра А. Аскоченскаго въ журналѣ «Домашняя Бесѣда» за 1864 г. Авторъ критической статьи упрекаетъ Пирогова въ афоризмахъ, прикрывающихъ будтобы пустоту мыслей; упрекаетъ и въ жалкомъ нейтралитетѣ въ дѣлахъ вѣры.

«Что значитъ воспитывать людей», спрашиваетъ съ недоумѣніемъ Аскоченскій. «Это значитъ—воспитывать нигили-

---

[1]) *Бертенсонъ*, „Н. И. Пироговъ“.

стовъ», съ апломбомъ отвѣчаетъ самъ себѣ, не въ мѣру зарапортовавшійся критикъ.

«Идеалъ воспитанія у Пирогова—миражъ. Создавая свѣтскую педагогику, Пироговъ отпалъ отъ Христа... впалъ въ паганизмъ, намалевалъ идеалъ человѣка въ видѣ куклы... Однимъ словомъ, Пироговъ утопистъ, атеистъ, педагогическіе взгляды гнилые и вся безобразная груда зла у Пирогова прикрыта софизмами и діалектикой. Мало этого, оказывается Н. И. Пироговъ—этотъ псевдопедагогъ—заявляетъ д-ръ Аскоченскій и съ нимъ журналъ «Недѣля»,—ищетъ популярности у евреевъ, почти что отдаетъ себя въ аренду жидамъ». Вотъ образецъ общественной травли противъ Пирогова.

Новизна склада личности Н. И. Пирогова и связаннаго съ ней чистаго, гигіеническаго, оздаравливающаго воздухъ ученія такъ были необычны для людей стараго подполья, что главный врачъ военнаго госпиталя официально донесъ по начальству, что докторъ Н. И. Пироговъ сумасшедшій. Повторилось старое горе: Н. И. Пирогову пришлось пережить горе отъ ума, горе отъ честности. Онъ, какъ новый Чацкій—не слова, но дѣла, Чацкій—конца XIX вѣка, слишкомъ диссонировалъ съ обществомъ закваски фамусовскаго кружка. Но въ этотъ разъ борозда здороваго плуга, проведенная имъ, оказалась столь глубокой, что занести ее злымъ вихрямъ, въ видѣ разныхъ навѣтовъ, не удалось. Н. И. Пироговъ съ торжествомъ вышелъ побѣдителемъ и усмирилъ поднятую противъ него травлю, а общественный праздникъ 24-го мая 1881 г., подъ конецъ его рабочей жизни, показалъ, съ какимъ рѣдкимъ единодушіемъ все русское общество признало его заслуги, даровавъ ему званіе почетнаго гражданина города Москвы. Н. И. Пироговъ глубоко оцѣнилъ этотъ даръ, сказавъ въ благодарность слѣдующее: «можетъ ли быть что нравственно выше, когда родина даетъ званіе почетнаго гражданина одному изъ своихъ сы-

новъ и притомъ не за блестящіе подвиги на бранномъ полѣ, не за матеріальныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности. Представители города Москвы, удостоивъ меня званія почетнаго гражданина, какъ будто осуществили завѣтную мечту моей юности, когда я готовился посвятить всю дѣятельность исключительно Москвѣ, мѣсту моего рожденія и воспитанія". Мудраго Н. И. Пирогова, съ дѣтски чистой душой, всегда искренно, со здоровымъ увлеченіемъ готоваго рѣшать основные вопросы жизни и тѣмъ помогать росту и развитію общественнаго самосознанія, Москва и вся Россія на юбилеѣ 1881 года достойно, по заслугамъ оцѣнили, какъ великаго гуманиста, какъ истиннаго друга человѣчества.

Покидая постъ попечителя Кіевскаго округа, Н. И. Пироговъ говорилъ о себѣ: «То что мнѣ предстоитъ сходно съ тѣмъ, что для меня прошло».

Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчей, я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все, какъ можно, раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными. Но, разумѣется, законовъ природы и необходимость этимъ не измѣню.

Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

И можетъ быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые ска-

жутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле поздней весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободнымъ и прибыльнымъ для обѣихъ сторонъ. Мудрено-ли, что могли и тутъ найтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

Но неужели-же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

Кѣмъ былъ-бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и главное,—кѣмъ былъ-бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла. Но, если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина, то не болѣе-ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?.. Всегда дѣйствовалъ путемъ убѣжденія прямо и откровенно... желалъ всѣмъ добра безъ различія.... распространялъ научныя истины и ученіе, считалъ за священнодѣйствіе любовь къ общему благу»...

Этотъ гуманитарный принципъ никогда не покидалъ Н. И. Пирогова и въ полной мѣрѣ былъ осуществленъ

имъ. Н. И. Пироговъ—ученый, профессоръ, клиницистъ-хирургъ, военно-полевой врачъ, администраторъ, педагогъ, все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о его плодотворной, полезной работѣ на благо и счастіе человѣчества и Россіи.

За свой трудъ «полный курсъ анатоміи человѣческаго тѣла», поднесенный Государю Императору, Н. И. Пироговъ получилъ въ 1843 г. отъ Его Величества брилліантовый перстень въ 500 р. Въ 1847 году получилъ званіе академика.

Между знаменитыми пацієнтами нашего хирурга-анатома слѣдуетъ назвать въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича и знаменитаго Гарибальди, раненнаго при Аспромонте.

Трудъ Н. И. Пирогова о военной хирургіи, изданный на нѣмецкомъ языкѣ, возбудилъ удивленіе всѣхъ европейскихъ ученыхъ.

Разносторонній, чутко понимающій нужды народа, любящій все человѣчество, Н. И. Пироговъ глубоко скорбѣлъ о непросвѣщеніи своего народа. Вотъ что съ тяжелымъ чувствомъ высказываетъ самъ Н. И. Пироговъ по поводу народнаго невѣжества: «нашъ народъ вѣритъ въ землю, чуть не въ божество земли». „Наша земля“, говоритъ мнѣ одинъ крестьянинъ въ моемъ имѣніи (Подольской губ.), «не любитъ желѣза: перестанетъ родить, если ее много желѣзомъ трогать».—А навозъ?—«Навоза тоже не хочетъ, бурьяномъ порастаетъ».—Значитъ, землю не тревожь, она разсердится. Вотъ повѣрья отъ залежнаго, переходного, полукочевого земледѣлія!» съ грустью восклицаетъ Н. И. Пироговъ: «снялъ урожая три, четыре—довольно; земля не очень возлюбляетъ желѣзо—ступай на другое, свѣжее мѣсто», скорбно иронически замѣчаетъ Н. И. Пироговъ.

Не проходилъ Н. И. Пироговъ равнодушно и мимо политическихъ событій своего времени, мѣтко подчасъ критикуетъ правительственныя мѣры, попутно высказывая свои сообра-

женія по поводу того или другого вопроса, при чемъ безкорыстная любовь къ человѣку заставляла его высказываться такъ, а не иначе.

Напримѣръ, по поводу студенческихъ волненій, волненій крестьянъ, Н. И. Пироговъ находилъ, что главная причина ихъ — запоздалость реформъ сверху. По поводу земельнаго вопроса Н. И. Пироговъ говорилъ слѣдующее: «1-й лозунгъ крестьянъ «земля и воля» — это правда, но мнѣ сдается, что чѣмъ болѣе правительство будетъ ковырять земельный вопросъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ растравленнымъ мѣстомъ, привлекательнымъ для хищныхъ насѣкомыхъ. Я полагалъ бы, что гораздо надежнѣе и существеннѣе для пользы народа и самого государства, вмѣсто разныхъ искусственныхъ и принудительныхъ мѣръ для снабженія всѣхъ и каждаго изъ крестьянъ земельнымъ надѣломъ, было бы уменьшеніе тягости прямыхъ налоговъ, выкупныхъ платежей, свободнаго обращенія и пріисканія средствъ къ снабженію земледѣльца оборотнымъ капиталомъ, регулированіе свободнаго переселенія и т. д.».

Мемуары Н. И. Пирогова [1]) знакомятъ насъ съ соціальными и политическими взглядами Н. И. Глубоко привязанный къ родинѣ, проникнутый духомъ своего времени и эпохи, Н. И. тѣмъ не менѣе вносилъ во всѣ свои взгляды «духъ жизни», творческую силу своей личности, насквозь проникнутую идеализмомъ. Творческій размахъ мысли такъ ярко проявляется у Н. И. Пирогова, что кажется, будто изъ прекраснаго далека,—изъ потусторонняго міра, жизненно и живо Н. И. пытается разрѣшить загадки и безплодныя споры настоящаго, предначертывая желанное для насъ будущее.

Чрезвычайно любопытны взгляды Н. И. относительно

---

[1]) См. Ю. Т. Малиссъ „Неизданныя страницы изъ мемуаровъ Н. И. Пирогова“ 1909 г. Историческій сборникъ „О минувшемъ“.

совмѣстимости самодержавія съ представительнымъ образомъ правленія и указаніе на необходимость бороться съ тайнымъ революціоннымъ движеніемъ, краснаго и чернаго террора путемъ тайной-же, но добровольной, не правительственной организаціи.

Разсматривая причину общественныхъ волненій, волненій молодежи, Н. И. Пироговъ обращаетъ вниманіе на наше прошлое, на продолжительное существованіе крѣпостничества, оставившаго слѣдъ въ духовномъ обликѣ русскаго народа. Вотъ что говоритъ Н. И. Пироговъ по поводу этого: [1]) «Итакъ, вдумываясь въ прожитое прошедшее, я нахожу, что спертый донельзя въ теченіи столькихъ лѣтъ и выпущенный въ послѣднее 25-лѣтіе на свободу духъ нашего времени проявилъ себя у насъ тотчасъ-же борьбою съ властью. Духъ времени, выпущенный на волю, оказался у насъ, какъ и слѣдовало ожидать, похожимъ на степную табунную лошадь, спущенную съ аркана»... Стихійные, животные, хищническіе инстинкты въ нашей странѣ, соединившись съ соціальными утопіями Запада, взбаламученные польскимъ возстаніемъ 1860 года, а также войной французовъ-коммунаровъ съ властью 1870-хъ годовъ, въ результатѣ выработали въ народѣ пеструю амальгаму безпринципности; получился «отливъ отъ совѣсти», рѣшили ни передъ чѣмъ не отступать и ничего, самаго родного и близкаго сердцу, не щадить для достиженія цѣли. Останавливаясь [2]) на характеристикѣ революціонныхъ дѣятелей, Н. И. высказываетъ удивленіе «ихъ упорству, настойчивости, выдержкѣ, самоотверженію и, вообще энергіи зла». «Совсѣмъ не узнаешь, говоритъ Пироговъ, своихъ соотчичей въ этихъ адски-энергичныхъ дѣятеляхъ». Указавъ на такую картину общественнаго настроенія, Н, И. Пироговъ

---

[1]) См. ibid. ст. 16.

[2]) Ibidem, ст. 36.

не проходитъ молчаніемъ положительныхъ явленій общественной жизни. Онъ указываетъ [1]) «на стремленіе культурнаго общества къ сближенію съ народомъ, на «народничество», какъ на знаменіе того времени, въ особенности со стороны молодежи».

Чтобы утописты не воспользовались стихійностью и темнотою крестьянскихъ массъ въ цѣляхъ революціи, Н. И. Пироговъ [2]) рекомендуетъ правительству направить всѣ наличныя силы и средства земскихъ, общественныхъ учрежденій для прочной организаціи и культуры низшихъ, основныхъ слоевъ общества. «Теперь, говоритъ онъ, должна наступить новая эра для Россіи. Недовольство исчезнетъ, какъ скоро чрезмѣрная административная власть будетъ ослаблена и регулирована судебною властью и представительствомъ всего общества. Когда одиночная, несоразмѣрная съ силами смертнаго отвѣтственность монарха сообщится и вѣрноподданному обществу, то это подниметъ значеніе общества въ собственныхъ его глазахъ и возбудитъ въ немъ стремленіе къ самостоятельности и общему благу. Крамола и подпольная интрига питаются недовольствомъ, недовѣріемъ и равнодушіемъ общества. А эти общественные недуги только усиливались отъ безпрерывныхъ натисковъ административнаго гнета. Широкая гласность въ заявленіи общественныхъ нуждъ, интересовъ и недостатковъ и общественное представительство съ отвѣтственностью передъ тономъ и государствомъ, уничтоживъ raison d'être недовольства, недовѣрія и равнодушія, разсѣятъ, какъ прахъ, и подпольную интригу... [3]) Общественный строй облегчитъ для монарха сверхъестественное бремя личной отвѣтственности и сдѣлаетъ драгоцѣнную для народа

---

[1]) Ibid. 17.
[2]) Ibid. 17.
[3]) Ibid. 18.

и государства жизнь болѣе безопасною подъ сѣнью свободы и силы общественнаго строя».

Далѣе Н. И. Пироговъ, развивая свою мысль о необходимости соединить самодержавіе съ представительнымъ образомъ правленія, замѣчаетъ слѣдующее: [1]) «Старые предразсудки тягучи, они тянутся, а не рвутся. Къ такимъ предразсудкамъ, между прочими, я отношу и тотъ, что самодержавное правленіе не можетъ существовать безъ строгой цензуры, канцелярской тайны и административнаго гнета... И почему-бы система представительства не была совмѣстима съ самодержавіемъ? Развѣ верховная власть можетъ ослабнуть и выпустить изъ рукъ бразды правленія отъ того только, что законъ будетъ предложенъ, обсужденъ, составленъ, данъ монархомъ не черезъ коронныхъ чиновниковъ, а черезъ общественное представительство? Для довольства и благоденствія общества при всякомъ образѣ правленія важно чтобы законъ, однажды данный, исполнялся вѣрно и не нарушался произвольно»...

«Представительство, въ сущности, не только не ослабляетъ, но еще укрѣпляетъ [2]) самодержавную власть, сообщая проявленіямъ ея большую цѣлесообразность и, такъ сказать, проницательность; ограничиваетъ-же оно власть не болѣе, какъ и всякій законъ, издаваемый самою-же властью. Конечно, представительство, учреждаемое съ единственною цѣлью ограниченія верховной власти, можетъ ее не только ослабить, но и сдѣлать ничтожною и поддѣльною. Но никто изъ честныхъ и благоразумныхъ патріотовъ не пожелаетъ Россіи ни такого представительства, ни такой власти. Мы не французы и французское *le roi reigne, mais ne gouverne pas*—не для насъ писано. Намъ необходимо, чтобы верховная власть у

---

[1]) Ibid. ст. 44, 45.
[2]) Ibid. ст. 50.

насъ была сильною и неограниченно-доброю и именно для этого ей и надо имѣть твердую и надежную опору въ общественномъ представительствѣ. Вѣдь, финское представительство съ боку столицы имперіи не ослабляетъ-же, а укрѣпляетъ власть всероссійскаго императора на границахъ Швеціи; да и новое славянское представительство, имъ-же самимъ учрежденное, также не ослабило-бы его власть, если-бы Болгарія осталась и за Россіей, послѣ войны 1878 года»...

Грустный фактъ 1-го Марта 1881 года показалъ обществу [1]), говоритъ Пироговъ, безсиліе правительства въ охраненіи одного изъ самыхъ главныхъ его интересовъ, — въ охраненіи отъ насилія и заговора главы государства, а правительству доказало наглядно, что безъ организованнаго содѣйствія самаго общества оно не можетъ водворить и сохранить прочный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ... [2]) «Почему не хотятъ, восклицаетъ Н. И. Пироговъ, какъ это принято дѣлать при господствованіи эпидемическихъ заразъ, раздѣлить весь городъ на участки, учредить попечительства надъ каждымъ участкомъ по выборамъ, съ особыми правами участковыхъ попечителей. Выборные отъ общества попечители должны имѣть въ своемъ распоряженіи и извѣстный отдѣлъ полиціи и другихъ помощниковъ.

Обязанность попечителя была-бы, какъ во время эпидеміи, ежедневное посѣщеніе домовъ его участка, ознакомленіе съ его жильцами, посѣтителями и пр. чрезъ разспросы и другими законными средствами; въ подозрительныхъ случаяхъ обыски и другого рода разслѣдованія также отнеслись-бы къ обязанностямъ попечителей. На нихъ лежала-бы и отвѣтственность предъ обществомъ и правительствомъ за порядокъ и благочиніе ввѣреннаго имъ участка.

---

[1]) Ibid. ст. 46, 47.
[2]) Ibid. 47 ст.

Если частная помощь, подъ эгидою Краснаго Креста, оказываетъ въ наше время такую существенную пользу въ общественныхъ бѣдствіяхъ, каковы: войны, эпидеміи, пожары и т. п., то я не вижу, почему государство не должно воспользоваться и въ настоящемъ случаѣ этимъ настроеніемъ всего современнаго общества, желающаго съ самопожертвованіемъ дѣятельно участвовать въ борьбѣ съ общею напастью и общимъ зломъ».

Но учрежденіе общественныхъ попечительствъ для Н. И. Пирогова является однимъ изъ средствъ преслѣдованія зла. Гораздо бо̀льшее значеніе Н. И. придаетъ *творческой* органической работѣ. Необходимо немедля, съ точки зрѣнія Пирогова, приступить къ реформамъ.

«Къ такимъ, по моему, говоритъ Пироговъ [1]), принадлежитъ: сообщеніе болѣе широкихъ правъ самоуправленія земскимъ учрежденіямъ, слишкомъ подпавшимъ подъ вліяніе бюрократизма и администраціи; устраненіе военныхъ судовъ изъ области гражданскаго права; уравненіе правъ и отношеній къ правительственной, административной и судебной власти всѣхъ провинцій европейской Россіи и всѣхъ ея сословій; а главнымъ, какъ я полагаю, и самымъ существеннымъ признакомъ прогресса для общества было-бы введеніе выборнаго земскаго представительства въ государственный совѣтъ»...

Любовь къ человѣку, независимо отъ племенныхъ, сословныхъ и религіозныхъ различій, дѣлала Н. И. Пирогова глубоко демократичнымъ по природѣ, хотя и признающимъ въ то же время огромное значеніе индивидуальныхъ чертъ въ человѣкѣ. Н. И. Пироговъ считалъ, что безъ индивидуальнаго нельзя развить высокое и прекрасное. Общественныя стремленія Н. И. Пирогова развить истинную гражданственность не сводились къ уравненію интересовъ всѣхъ. Сбить маковыя

---

[1]) Ibid. 42 ст.

головки, выросшія выше другихъ, пьедесталы опрокинуть, почву выровнять, сдѣлать все человѣчество однимъ огромнымъ человѣкомъ ростомъ до неба—до такого финала соціальныхъ утопій Н. И. Пироговъ никогда не доходилъ. При всѣхъ своихъ демократическихъ взглядахъ, онъ былъ глубокимъ индивидуалистомъ, аристократомъ по духу и стремился создать, воспитаніемъ человѣка, породу нравственно лучшихъ людей. Въ развитіи личныхъ качествъ sui generis Н. И. Пироговъ полагалъ истинное развитіе общественной жизни.

Мы въ правѣ гордиться этимъ великимъ человѣкомъ въ пантеонѣ русскихъ знаменитостей. Это была глубокая, плодотворная, честная и полная содержанія жизнь — человѣка прежде всего!

Въ 1861 г. 13-го марта въ Кіевѣ потокомъ прорвались симпатіи къ Н. И. Пирогову, когда онъ покидалъ постъ попечителя Кіевскаго округа. Въ рѣчи профессора исторіи Шульгина такъ оцѣнена была человѣчность Н. И. Пирогова:

«Вы украшены титуломъ Превосходительства, Н. И. Пироговъ! Рѣдко кто изъ насъ Васъ такъ называлъ. А между тѣмъ, никогда не называя Васъ Превосходительство, я теперь громко и смѣло скажу, что другого титула Вамъ нѣтъ и не можетъ быть... Вы превосходите, какъ человѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси, гдѣ еще съ діогеновымъ фонаремъ среди бѣла дня нужно искать человѣка. Оставьте намъ духъ Вашъ, Ваше стремленіе, Вашу высокую человѣчность и гражданскую доблесть, непреклонно устоявшую среди всѣхъ препятствій!» Тогда же на прощальномъ обѣдѣ въ Кіевскомъ Округѣ была собрана сумма въ честь Пирогова.

Н. И. пожелалъ, чтобы эта сумма употреблена была въ видѣ преміи за сочиненіе, написанное на слѣдующую тему:— изложить сравнительно историческій ходъ университетскаго образованія въ Западной Европѣ и Россіи, и въ особенности составить подробную документальную исторію трехъ высшихъ

учебныхъ заведеній Кіевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ, т. е. Университета св. Владиміра и Лицеевъ Князя Безбородко и Ришельевскаго.

Нравственная мощь Н. И. побѣдила племенную рознь между людьми и вызывала людей на безкорыстные поступки. Такъ, евреи богачи Бродскій и Германъ тогда же предложили Кіевскому Университету стипендію во имя Пирогова для студентовъ *безъ различія вѣроисповѣданія*.

Н. И. Пироговъ, какъ русскій скиталецъ, перепробовавъ силы свои на многихъ поприщахъ, всюду хотѣлъ дать всѣмъ всемірное счастіе, — дешевле не хочетъ и не можетъ примириться. Одновременно съ потребностью сдѣлать всѣхъ счастливыми, Н. И. Пироговъ никогда не переставалъ быть гражданиномъ своей націи, что и было достойно оцѣнено въ немъ такими великими русскими именами, какъ геніальный Ушинскій и великій Стоюнинъ.

Спросимъ себя, что сдѣлало Пирогова такимъ исключительнымъ человѣкомъ? Прежде всего, семейная обстановка и воспитаніе. Въ семьѣ Н. И. Пирогова, гдѣ Н. И. Пироговъ былъ 13-мъ ребенкомъ по счету, господствовала московско-русская обстановка: миръ и ладъ; родители старались развить въ ребенкѣ все естественное, здоровое, не забивая его [1]). Судьба благопріятствовала Н. И. Пирогову въ прохожденіи университетскаго курса. Какъ извѣстно, Н. И. Пироговъ, обѣднѣвшій къ тому времени (раззореніе семьи, смерть отца), былъ посланъ для усовершенствованія въ наукахъ на казенный счетъ въ Дерптскій, какъ лучшій въ то время, университетъ и за границу. Съ девизомъ: je prends mon bien partout, où je le trouve, Н. И. Пироговъ получилъ отличную научную и жизненную подготовку.

---

[1]) См. біографію Н. И. Пирогова, составленную Малисомъ, изд. Павленкова.

Помимо благопріятныхъ условій для развитія въ семейной обстановкѣ и въ университетѣ, Н. И. Пирогову для полнаго раскрытія его талантовъ благопріятствовалъ и такъ называемый, особо переживаемый, историческій исключительный моментъ на Руси.

Эпоха великихъ реформъ Царя-Освободителя, Александра II, вызвала учащенное біеніе общественнаго пульса, а неудачная севастопольская бойня заставила всѣхъ внимательнѣе присмотрѣться къ своей жизни. Севастопольскіе кровавые дни обнажили старыя язвы, гнойникъ вскрылся, и лучшіе люди пришли со спасительной перевязкой больного мѣста въ Россіи. Н. И. Пироговъ, какъ участникъ этой войны, въ качествѣ врача-хирурга, увидѣлъ яснѣе другихъ господствующую болѣзнь времени: ему нужны были помощники-люди, а на войнѣ онъ сталкивался только съ чиновниками, для которыхъ людскія «утоли моя печали» были безразличны. Не дѣло, а видимость его, форма, прислужничество — вотъ что поглотило нерадивцевъ человѣческаго рода. Въ то время, когда вся Россія щипала корпію для Севастополя, корпіей этой перевязывали англичане, а у насъ была только солома. Вотъ какова картина общественной нравственности!

Картина нравственной общественной неряшливости, больше—преступности, открыла Н. И. Пирогову внутреннюю хроническую болѣзнь русскихъ — отсутствіе истинной подготовки къ жизни, другими словами—отсутствіе идеала. И вотъ тутъ-то, въ историческій моментъ прилива жизни, просыпается во врачѣ-хирургѣ патріотъ и глубокій мыслитель. Хирургическая роль Н. И. Пирогова кончается и начинается роль педагога-реформатора. Крымская война съ гноящимися ранами, заражающими зловоніемъ воздухъ, открыла предъ Н. И. Пироговымъ и нравственныя язвы, не менѣе, а можетъ быть, болѣе первыхъ заражающія весь организмъ человѣка.

Но не только среда, окружающая обстановка, историческій моментъ выдвинули Н. И. Пирогова, какъ генія, изъ среды русскаго общества, но, конечно, больше всего и прежде всего личныя качества, которыми такъ щедро надѣлила его природа, посильно обрисованныя въ этой главѣ, и они-то и заставляютъ разсматривать Пирогова, какъ человѣка съ искрой и печатью Бога въ душѣ.

Не даромъ Н. И. Пироговъ всегда вѣрилъ въ Провидѣніе, откровеніе, мистическую силу свыше, съ помощью которой, по его мнѣнію, человѣкъ способенъ *завоевать* Царствіе Божіе на землѣ! Мы знаемъ изъ автобіографическихъ замѣтокъ Пирогова, какъ много работалъ онъ надъ собою, чтобы взять силою Царствіе Божіе, но мы знаемъ также, что онъ сумѣлъ сдѣлать усиліе и подвигомъ жизни осуществилъ правду Бога на землѣ.

— Я понялъ, говоритъ Н. И. Пироговъ, что жизнь человѣка есть безпрерывная, не рѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенствованію, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ не остановимаго стремленія къ совершенствованію. —

Ради земной отчизны, поборовъ «мнози борющія его страсти», Пироговъ завоевалъ небесную отчизну, осуществивъ на землѣ добро — царство идеала. Такъ, самовоспитавъ себя, онъ выступилъ въ роли воспитателя другихъ.

ОСНОВНОЕ ЯДРО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ Н. И. ПИРОГОВА И ВЫТЕКАЮЩІЯ ИЗЪ НЕГО СЛѢДСТВІЯ, ОБЪЕДИНЕННЫЯ ВЪ НАУЧНО-РАЗРАБОТАННОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ.

ГЛАВА III.

Основное ядро педагогической системы Н. И. Пирогова и вытекающія изъ него слѣдствія, объединенныя въ научно-разработанное міровоззрѣніе.

1) гуманистическій идеализмъ реалистическаго характера.

Одинъ изъ нѣмецкихъ философовъ сказалъ: каковъ человѣкъ, такова и система философіи; она является показателемъ личности автора, создавшаго ее. Про Н. И. Пирогова мы можемъ сказать, что вся педагогическая система его есть глубокое воплощеніе личности его. Съ личностью Н. И. Пирогова мы уже знакомы. Основная сердцевина личности — глубокая любовь къ человѣку, человѣчеству, или доведенный до высшаго напряженія идеализмъ. Центральнымъ ядромъ педагогической системы Н. И. Пирогова является тотъ же идеализмъ и та же любовь къ человѣчеству.

Мы всю педагого-философскую систему Пирогова можемъ назвать *гуманистическимъ идеализмомъ*. Что это, дѣйствительно *философски* построенная, *научная* система педагогики, а не рядъ случайныхъ, выработанныхъ практикой жизни правилъ о воспитаніи, видно изъ того, что все высказанное Н. И. Пироговымъ по вопросамъ воспитанія можетъ быть выведено изъ центральнаго ядра его ученія, округляясь въ одно цѣльное, критически разработанное міровоззрѣніе. Убѣдиться въ этомъ мы можемъ черезъ разсмотрѣніе внутренне основной, знаменитой педагогической статьи Н. И. Пирогова «Вопросы

жизни», вокругъ которой группируются всѣ остальныя; она была написана въ 1856 г., послѣ крымской кампаніи, когда Пироговъ впервые на 46-мъ году жизни выступилъ въ роли перваго русскаго реформатора воспитанія.

Попробуемъ развернуть, раскрыть многогранное, чреватое содержаніемъ для будущаго, ученіе о воспитаніи у Н. И. Пирогова, исходя изъ статьи «Вопросы жизни», указавъ одновременно на наличность центральнаго ядра ученія и на отношеніе къ нему другихъ принципіальныхъ вопросовъ воспитанія. Насъ поразитъ, до какой степени все, почти съ логически-математической послѣдовательностью, вытекаетъ изъ основного корня его педагогической системы.

К. Д. Ушинскій, указывая на внутреннюю связь между статьями Н. И. Пирогова, конечно, имѣлъ въ виду «Вопросы жизни», какъ основную статью, какъ ключъ къ раскрытію сокровенной сущности ученія великаго педагога, дающей возможность проникнуть въ святое святыхъ духовнаго творчества его. Вотъ почему мы и начнемъ построеніе системы воспитанія Н. И. Пирогова именно съ этой статьи.

При раскрытіи педагогической системы его, принявшей форму *законченнаго философскаго* мышленія, мы будемъ обращать главное вниманіе на *принципіальную* сторону ученія, другими словами—на *основныя идеи* воспитанія, выдвигаемыя Пироговымъ въ каждой изъ отдѣльныхъ, повидимому, разрозненныхъ педагогическихъ статей его.

Будучи самъ человѣкомъ, въ высшемъ значеніи слова, Н. И. Пироговъ и въ «Вопросахъ жизни» (статьѣ, появившейся въ Морскомъ сборникѣ) требуетъ, чтобы изъ людей образовывали не негоціантовъ, мореплавателей, инженеровъ или всякихъ другихъ спеціалистовъ, а прежде всего человѣка. «*Ищи быть и будь человѣкомъ*»—вотъ первый и основной принципъ Пирогова, высказанный имъ въ формѣ заповѣди. Какая рѣзкая критика прошлой педагогики и прямое осуж-

деніе Петровской революціи въ дѣлѣ воспитанія! Кратко, но сильно, пять словъ, поканчивая съ давнимъ, открываютъ намъ что-то новое, легкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣроятно трудное! Какъ понять, какъ раскрыть внутренній смыслъ короткой, но глубокой фразы Н. И. Пирогова «ищи быть и будь человѣкомъ»?!

Статья «Вопросы жизни» и личныя качества Н. И. Пирогова ясно, прозрачно обнаруживаютъ предъ нами дно его мысли. «Ищи быть и будь человѣкомъ»—это значитъ: отыщи путь истинной жизни, намѣть нравственную цѣль ея, приведи себя къ невозможности жить иначе, какъ только нравственно, человѣчно и осуществи это *дѣломъ*, *подвигомъ жизни*: сдѣлайся человѣкомъ, высшимъ звеномъ на лѣстницѣ животнаго міра. Помни, тебѣ, созданному по образу и подобію Божію, слѣдуетъ силою взять на землѣ Царствіе Божіе, усиліемъ восхитить Его. «Быть человѣкомъ» — это значитъ не только воспитать человѣка въ человѣкѣ, т. е. лучшее, высшее въ немъ, нѣтъ, это требованіе идетъ дальше, оно болѣе строго и ригористично, это значитъ: слѣдуетъ воспитать Бога въ человѣкѣ, сдѣлать себя образомъ и подобіемъ Создавшаго насъ. Для этого, прежде всего, надо перевоспитать самихъ себя. Долгимъ трудомъ необходимо сумѣть побѣдить въ себѣ все, что мѣшаетъ осуществленію добра на землѣ, идеала; съ корнемъ должно вырвать все, что задерживаетъ воспитаніе Бога въ человѣкѣ. Страхъ, лѣнь, обуревающія человѣка страсти, духовныя немощи должны исчезнуть!

Итакъ, предъ человѣкомъ двѣ задачи: первая — ясно поставить предъ собою цѣль жизни, разумную и нравственную, а вторая задача — понятую нами высшую цѣль жизни осуществить на землѣ, т. е. перевести идеалъ мысли въ дѣло жизни. Какъ достичь этого? Отъ жизни сегодня, какъ вчера, вчера, какъ сегодня, ощупью, безсознательно, безъ руля и вѣтрилъ—мы должны отказаться. Надо осмотрѣться вокругъ,

заглянуть глубже въ себя. Если мы познаемъ себя, сумѣемъ разобраться въ тайникахъ души, мы лучше поймемъ и все окружающее. Вотъ почему самопознаніе есть ключъ къ познанію другихъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, основа самовоспитанія. Но самопознаніе сразу не дается. Культура его постепенно пріобрѣтается человѣкомъ — путемъ развитія вниманія. Мы должны постояннымъ напряженіемъ духа какъ бы заглядывать внутрь себя. Вырабатывая въ себѣ произвольное вниманіе, мы научаемся раскалывать себя на наблюдаемое и наблюдающее. Только такимъ путемъ, исподволь, мы узнаемъ себя. Заглядывая въ себя, мы замѣчаемъ, что въ насъ существуютъ какъ бы двѣ половины: одна зоветъ въ высь, въ даль, зоветъ къ лучшему, другая—тяжелыми гирями тянетъ къ землѣ, къ худшему. Въ насъ на лицо двѣ отчизны—земная и небесная, говоритъ Н. И. Пироговъ. Это тѣ два града Божія, о которыхъ еще въ IV вѣкѣ по Р. Хр. говорилъ великій аскетъ средневѣковья—блаженный Августинъ.

Самопознаніе, открывая двойственность нашей природы, при развитомъ вниманіи и сильной волѣ устанавливаетъ произвольно, уже *вторичнымъ актомъ воли*, путемъ нашего усилія, связь между мыслью, словомъ и дѣломъ. Камъ только мы перестаемъ слѣдить за собой, какъ только исчезаетъ у насъ контроль надъ собою, мы замѣчаемъ, какъ сейчасъ же впадаемъ въ разладъ съ самими собой; между словомъ и дѣломъ оказываются противорѣчія. Чтобы уничтожить въ себѣ противорѣчія, намъ надо понять, откуда они происходятъ, а для этого намъ надо научиться, путемъ развитія вниманія, раздѣлять мысль отъ слова и дѣла; это значитъ, надо научиться отсылать нѣкоторыя мысли назадъ, уничтожая ихъ, а другія, наоборотъ, — вызывать, т. е. необходимо научиться размышлять. Извѣстно, что всякая мысль, на которой сосредоточено наше вниманіе, чрезъ это самое становится болѣе отчетливой, а, слѣдовательно, и болѣе сильной въ качествѣ опредѣ-

ляющей основы воли. Но, чтобы культивировку вниманія надъ самимъ собою довести до правила жизни поступать по идеальнымъ принципамъ жизни, воспитывая въ человѣкѣ Бога, надо быть *убѣжденнымъ*, что осуществленіе идеала, нравственнаго міропорядка, добра на землѣ есть дѣйствительная и единственная правда на землѣ. Только тогда человѣкъ направитъ всѣ свои духовныя силы къ осуществленію согласія, гармоніи между міромъ идеальнымъ и дѣйствительнымъ.

Достигнуть убѣжденія, что добро должно всегда побѣждать зло, не всякій можетъ. Н. И. Пироговъ учитъ насъ, что для этого необходимо *вдохновеніе*, экстазъ, жажда добра, тоска по немъ, любовь къ нему, способность души отвлекаться, долгое упражненіе и молитва. Необходимы *духовныя* упражненія. И только тогда снизойдетъ на человѣка благодать Божія, откровеніе, особая милость Бога, и человѣку легче будетъ воспитать въ человѣкѣ образъ и подобіе Его. Но человѣкъ не долженъ падать духомъ, когда ему кажется, что онъ не надѣленъ этимъ даромъ неба. Постоянное вниманіе къ себѣ, усиліе привести себя въ состояніе вдохновенія—все это можетъ пробудить искру Божію въ человѣкѣ, сознаніе необходимости осуществленія добра на землѣ, которыя тлѣютъ въ душѣ каждаго человѣка. Повторныя упражненія, молитва, какъ постоянное напоминаніе себѣ, какъ бесѣда души самой съ собою, можетъ обратить проснувшееся сознаніе въ постоянную цѣль жизни, въ убѣжденіе человѣка.

Вся жизнь Пирогова, его личныя свойства, собственный *подвигъ* жизни, работа надъ собой, созданная имъ теорія воспитанія, до сихъ поръ вдохновляющія человѣчество искать въ жизни идеала, заражающія всѣхъ стремленіемъ сдѣлаться истиннымъ человѣкомъ, образомъ и подобіемъ Бога, — все это подтверждаетъ, что въ разсужденіи Н. И. Пирогова объ убѣжденіяхъ, какъ дарѣ неба, которыя будто бы не даются всякому, мы имѣемъ дѣло не съ противорѣчіемъ, но съ не-

досказанною мыслью великаго, послѣдовательнаго, народнаго педагога-реформатора. И послѣдующія соображенія, высказанныя Пироговымъ въ «Вопросахъ жизни», подтверждаютъ, что человѣкъ *самъ можетъ долгимъ подвигомъ* завоевать себѣ это вдохновеніе. Стремясь къ идеалу, къ гармоніи его съ дѣйствительностью, мы, путемъ самопознанія, видимъ, что двойственность природы и составляетъ то зло, съ которымъ надо прежде всего бороться, чтобы сдѣлаться человѣкомъ. Въ этой, необходимой для нашего убѣжденія, борьбѣ съ дуализмомъ природы ясно, что мы не должны враждовать съ вещественнымъ, тѣлеснымъ міромъ, обществомъ и собою, какъ училъ нессимистически смотрящій на природу блаженный Августинъ; наоборотъ, мы должны, по словамъ Пирогова, глубоко любить то, съ чѣмъ боремся. Вражда предполагаетъ ненависть, борьба — присутствіе духа и сознаніе внутренней силы, столь необходимой для славной побѣды. Въ этой борьбѣ съ низшей природой, міромъ инстинктовъ, безсознательно стихійной силой, мы приготовляемъ себѣ черезъ земную жизнь путь къ безсмертію. Развѣ не отрадно, спрашиваетъ насъ Пироговъ, выполнить коренной вопросъ жизни: жить совершенствуясь, уничтожая самопознаніемъ и дѣломъ жизни — низшее въ себѣ, перевоплощая это низшее въ высшее, — и, въ концѣ концовъ, достигнуть безсмертія духа?! Борьба съ низшей природою—трудная. «Часто инстинкты, говоритъ Пироговъ, прячутся отъ насъ, намъ не хватаетъ силы безпристрастно, строго, открыто осудить себя. Наши собственныя соображенія, какъ наша тайная полиція, оказываются на жалованіи у инстинктовъ, а воля подчасъ заводитъ интриги, обманываетъ и сама запутывается въ дипломатическихъ сѣтяхъ». «Я хочу» мы должны заставить торжествовать надъ всѣми инстинктами. Но «я хочу» сдѣлается мощной силой тогда, когда оно крпчитъ въ насъ, когда оно насыщено вдохновеніемъ. Воля безъ вдохновенія—ничто! А вдохновеніе,

какъ откровеніе, какъ откровенная сила въ человѣкѣ, есть полное отсутствіе сомнѣній въ себѣ, глубокая убѣжденность человѣка. Убѣжденность безъ сомнѣній наполняетъ душу восторгомъ вдохновенія, жаждой подвига, жгучимъ стремленіемъ осуществить то, что составляетъ суть, ядро убѣжденія». А ядро вдохновленнаго убѣжденія, по словамъ Н. И. Пирогова, заключается въ побѣдѣ добра надъ зломъ, въ гармоніи идеальнаго и дѣйствительнаго міра, въ гуманизированіи человѣчества черезъ воспитаніе Бога въ человѣкѣ. Вдохновеніе, финалъ самопознанія,—это храмъ святыни. Не даромъ человѣчество такъ высоко цѣнило вдохновеніе! Безъ вдохновенія, а его нельзя отрицать и въ обществѣ, говоритъ Пироговъ, нѣтъ воли, безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы скоро наступаетъ царство ничтожества и смерти. Чрезъ вдохновеніе все земное возвышается, и познается небесное. Вдохновеніе рождаетъ въ душѣ человѣка сочувствіе къ другимъ, согрѣвающій магнетизмъ души. Только вдохновеніе, какъ напряженіе души, помогаетъ осуществить добро и путемъ самонаблюденія открываетъ намъ, какъ сквозь микроскопъ, что мы живемъ не только для себя—индивидуально, но мы живемъ еще и въ другихъ для другихъ, въ обществѣ себѣ подобныхъ, въ потомствѣ—спеціально для послѣдней окончательной задачи жизни—жить въ идеалѣ безсмертнаго духа. Изъ этого сочувствія къ другимъ, изъ естественнаго стремленія подѣлиться съ другими тѣмъ, чѣмъ самъ владѣешь, впервые зарождается потребность воспитанія другихъ. Въ этомъ сказывается забота человѣка о будущемъ и пониманіе, что жить только настоящимъ значитъ строитъ жизнь на зыбкой и шаткой основѣ.

Глубоко развитая, сопровождаемая вдохновеніемъ, внутренняя жизнь человѣка, къ которой намъ слѣдуетъ стремиться, добывается уединеніемъ. Уединеніе помогаетъ, не отвлекаясь, сосредоточиться на себѣ, познать себя и вырабатываетъ въ

насъ убѣжденія. Еще Сенека, римскій моралистъ I вѣка, въ своихъ письмахъ говоритъ: «бѣги отъ толпы, потому что толпа вызываетъ все худшее, но пусть человѣкъ доведетъ себя до состоянія, когда для него достаточно двухъ, достаточно одного, достаточно никого, т. е. когда ему достаточно самого себя». Это не аскетизмъ. Уединеніе необходимо, какъ первая ступень упражненія. Зараженный размышленіемъ на добро духъ можетъ долго жить внутренней жизнью и въ обществѣ, среди всѣхъ, въ самой вакханаліи жизни.

Выдвигая воспитаніе *человѣка*, какъ первую задачу воспитанія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикуя узко-спеціальное, утилитарно-профессіональное воспитаніе прошлаго и Петровскаго временъ, Н. И. Пироговъ подводитъ должный критическій итогъ и современному ему воспитанію такими словами: «Вы танцовали, кружились, пѣли, играли на клавикордахъ и считали себя воспитанными, но провидѣніе коснулось рукою до уха, не успѣвшаго оглохнуть отъ шума и гама, и забытая арфа зазвучала гармоническими аккордами въ васъ. Передъ вами Вальпургіева ночь земного бытія. Вамъ уже хочется вырваться изъ рукъ чародѣйства. Вы чувствуете, что стоите на распутьи и начинаете съ того, съ чего давно слѣдуетъ начать: съ самопознанія и вдохновенія. Лучшіе изъ васъ, люди съ притязаніемъ на умъ и чувство, хотятъ осуществить безсмертіе—идеалъ—въ дѣлахъ семьи и общества. Но большинство забыло идеалъ—христіанскую идею,—слишкомъ занято матеріальной, торговой жизнью и поэтому идетъ вразбродъ, безпорядочными толпами, въ поискахъ не идеала, но суррогатовъ его» [1]). Каждая толпа ищетъ субъективныхъ цѣнностей, забывая, что единственно истинной является та цѣнность, которая продиктована объективнымъ принципомъ жизни—вѣчной правдой Евангелія.

---

[1]) См. „Вопросы жизни“, цѣль жизни каждой толпы.

Итакъ, воспитательная теорія Пирогова основывается на самопознаніи, какъ средствѣ самовоспитанія. Средствомъ для развитія самопознанія является развитіе акта вниманія, раскрывающаго предъ нами двѣ отчизны: земную и небесную, грубый инстинктъ и Бога въ человѣкѣ. Сознательная оцѣнка того и другого заставляетъ насъ предпочесть Богочеловѣческое—звѣрочеловѣческому, доводитъ до вдохновленнаго убѣжденія, что правда заключается въ осуществленіи добра, и переводитъ это убѣжденіе въ дѣло жизни—въ стремленіе и другихъ сдѣлать, путемъ воспитанія, причастными этой правдѣ. Однимъ словомъ—основная задача воспитательной теоріи Пирогова: осуществленіе идеала, носителемъ котораго является человѣкъ, путемъ борьбы, *процесса живого дѣланія добра*, во имя любви; но не вражды къ человѣчеству для лучшаго грядущаго, соціальнаго и общекультурнаго переворота — водворенія Царства Божія на землѣ. Все, только что высказанное, есть ничто иное, какъ подробное раскрытіе философско-педагогической основной мысли Н. И. Пирогова: «ищи быть и будь человѣкомъ».

2) естественная необходимость воспитанія.

Самопознаніе доводитъ человѣка до пониманія, что воспитаніе *естественно* вытекаетъ изъ потребности человѣка, владѣющаго убѣжденіемъ, даромъ вдохновенія, подѣлиться съ неимѣющимъ и сдѣлать послѣдняго, путемъ воспитательнаго воздѣйствія, не менѣе себя счастливымъ. Главную задачу жизни Пироговъ всегда видѣлъ въ перевоспитаніи себя для воспитанія другихъ. Не внѣ, но *внутри* человѣка тайна успѣха воспитанія. Человѣкъ изъ себя создаетъ примѣръ, которымъ исправляется общество. Не упрекать другихъ, но открыто сознаться, уяснить идеалъ, какъ учатъ «Вопросы жизни», и пробудить общество, изъ сочувствія къ нему, къ участію въ достиженіи идеала. Воспитаніе и приходитъ че-

ловѣку на помощь осуществить задачу «быть человѣкомъ». Развивая въ другихъ все, естественно имъ данное, главное, на что долженъ обратить вниманіе наставникъ, это—на развитіе намѣренія, убѣжденія въ воспитанникѣ. Разъ воспитаніе, путемъ самовоспитанія, развиваетъ человѣка со стороны высшей природы его, слѣдовательно, оно послѣ религіи является самой важной отраслью жизни. Вотъ почему воспитаніе необходимо для всѣхъ сословій и состояній, необходимо, какъ хлѣбъ и соль. Поэтому не надо щадить никакихъ издержекъ, матеріальныхъ и духовныхъ, чтобы добиться серьезнаго взгляда на жизнь и сознанія нравственной необходимости воспитанія. Только при всеобщности истиннаго просвѣщенія явится у людей теплая вѣра въ вѣчную истину и добро, только тогда всѣ люди, какъ одинъ человѣкъ, обратятся съ молитвой къ Всевышнему: «да пріидетъ Царствіе Твое».

Но у своихъ соотечественниковъ Пироговъ отмѣчаетъ индифферентизмъ къ истинному просвѣщенію. «Мы любимъ просвѣщеніе, но оно не сдѣлалось у насъ нашей неотъемлемою, задушевною собственностью», говоритъ Пироговъ: «Мы не участвуемъ еще живымъ образомъ, нравственно, въ судьбѣ бѣднаго сословія: мы не поняли еще ясно, что истинный прогрессъ достигается *единственно* путемъ воспитанія». Отмѣчая наши слабости въ отношеніи къ серьезному дѣлу жизни — воспитанію, Пироговъ противополагаетъ насъ въ этомъ отношеніи еврейскому населенію [1]), у котораго русскимъ хорошо было бы кое-чему поучиться. Для еврея грамота въ приходской школѣ — талмудъ-торѣ — все: это единственное средство узнать законъ. Въ этомъ-то сліяніи грамоты и закона, ученія и воспитанія, въ духѣ ветхозавѣтныхъ заповѣдей,—высота еврея. Евреи умѣютъ дѣйствовать

---

[1]) Одесская талмудъ-тора.

сообща. Ихъ магнаты не жалѣютъ давать деньги на училища, а образцовые педагоги Гольденблюмы въ 9 мѣсяцевъ, давая бѣднѣйшимъ ученикамъ обѣдъ, производятъ чудеса въ школѣ, подготовляя воспитанныхъ законниковъ.

Кромѣ евреевъ Пироговъ отмѣчаетъ глубокое и сознательное убѣжденіе въ необходимости воспитанія и у раскольниковъ. Послѣ осмотра еврейской талмудъ-торы Пироговъ восклицаетъ: «хлѣбъ и грамоту, хлѣбъ и правду—вотъ что дайте, христіане—благотворители, грядущему поколѣнію нашего отечества. Накормите, одѣньте, обуйте бѣдныхъ приходскихъ школьниковъ, пошлите вашихъ женъ посмотрѣть за раздачею пищи и ея качествомъ, хлопочите о выборѣ и достаточномъ содержаніи педагога, и у васъ также явится свой Гольденблюмъ, и ваша приходская школа также переродится, какъ еврейская талмудъ-тора». И въ этомъ знаменательномъ разсужденіи Пирогова мы видимъ, какъ главная, высокая задача воспитанія—открыть Бога въ человѣкѣ—заставляетъ Н. И. Пирогова призвать всѣхъ, безъ различія племенъ, сословій, состоянія, къ серьезному дѣлу воспитанія, къ измѣненію общества, нравственному его обновленію, какъ среды поддерживающей нравственную высоту отдѣльнаго лица.

3) женскій вопросъ.

Если всѣмъ людямъ присуще внутренне, какъ естественная сила въ нихъ, воспитаніе другихъ, тѣмъ не менѣе особенно развить мышленіе и волю для воспитанія другихъ намъ слѣдуетъ, по словамъ Пирогова, у женщинъ. Женщины должны имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей предпочтительно передъ всѣми, потому что женщины — главные зодчіе человѣчества и званіемъ материнства отличны отъ мужчинъ. Въ рукахъ женщинъ, какъ строителей жизни, будущее человѣчество. Надо только позаботиться объ измѣненіи воспитанія всего человѣчества, тогда женщина пойметъ свое

высокое назначеніе, а другіе—оцѣнять ее и въ обществѣ положеніе ея измѣнится и ей по праву простой справедливости сторицею воздадутъ то, что вѣками отнимали отъ нея. Въ самомъ дѣлѣ, ставя главной цѣлью воспитанія — воспитаніе человѣка, въ вопросѣ участія женщинъ въ перевоспитаніи всего человѣчества, Н. И. Пироговъ отмѣчалъ особенное гуманитарное, предпочтительно передъ мужскимъ, женское вліяніе. Какъ извѣстно, впервые въ мірѣ, по иниціативѣ Н. И. Пирогова и Великой Княгини Елены Павловны [1]), была организована женская помощь на войнѣ и были посланы сестры Крестовоздвиженской общины на поле битвы.

Вотъ что говоритъ о женщинахъ глубоко справедливый отъ природы Н. И. Пироговъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ф. Раденъ: «Женскій тактъ, ихъ чувствительность, независимое отъ служебныхъ условій положеніе гораздо дѣйствительнѣе могутъ вліять на отвратительныя злоупотребленія администраціи, чѣмъ официальная, служебная контрольная комиссія. Только до извѣстнаго времени женщина должна быть руководима мужчинами». Очевидно, Н. И. Пироговъ имѣлъ въ виду исторически прошлую несовершеннолѣтность женщинъ, такъ какъ дальше слѣдуютъ глубоко знаменательныя слова великаго гуманиста: «надо измѣнить положеніе женщинъ и дать имъ занять мѣсто въ обществѣ болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ. Даже въ управленіи многихъ общественныхъ учрежденій женщины одарены болѣе способностями, чѣмъ мужчины. Въ женскомъ вопросѣ забытъ давнишній родъ воззрѣнія, по которому «человѣкъ» есть коллективность, состоящая изъ мужчины и женщины, и съ нимъ слѣдуетъ обращаться по его различнымъ, но обоимъ поламъ свойственнымъ дарованіямъ. Что наши предки у женщинъ отняли, то мы должны возвра-

---

[1]) См. *А. Ф. Кони*, Очерки и воспоминанія.

тить имъ съ лихвой. Это справедливо и недорого обойдется. Цѣль и путь къ цѣли одни и тѣ же у мужчинъ и женщинъ, но способы для совершенія пути могутъ быть разные... Мы слишкомъ долго игнорировали чудныя дарованія женщинъ! Если женщина получитъ надлежащее образованіе и воспитаніе, она можетъ такъ же хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина, но она должна всегда сохранять свою физіологію и нравственную женственность». Въ севастопольскихъ письмахъ врачъ-гражданинъ, образцовый семьянинъ, глубоко любящій своихъ близкихъ, въ свѣтломъ образѣ русской «сестрички» воплотилъ лучшія стороны русской женщины.

Такъ авторъ «Вопросовъ жизни», исходя изъ основного принципа перевоспитанія человѣчества воспитаніемъ человѣка, просто и справедливо рѣшилъ одинъ изъ больныхъ вопросовъ въ жизни, такъ называемый женскій вопросъ.

4) личность воспитателя.

Только тотъ, кто понялъ, что надо быть человѣкомъ, кто сумѣлъ побѣдить низшіе природные, грубые инстинкты, кто самъ сдѣлался человѣкомъ, только тотъ можетъ и даже долженъ принять на себя роль руководителя, воспитателя другихъ. Кто самъ убѣжденъ въ силѣ добра, вдохновленъ идеаломъ, только тотъ можетъ зажечь другого, пробудивъ въ немъ тоску по идеалу. Вотъ почему, прежде всего примѣръ живой личности воспитателя можетъ осуществить, по ученію Н. И. Пирогова, трудную основную задачу воспитанія—воспитаніе человѣка въ человѣкѣ. Ученіе современныхъ психологовъ [1]) о двигательной силѣ идей, о заразительности чувствъ и дѣйствій, о силѣ подражательности авторомъ «Вопросовъ жизни» въ свое время было тонко прочувствовано и выска-

---

[1]) *Фуллье* „Идеи—силы“, *Тома* „Воспитаніе чувствъ“ и др.

зано въ ученіи его о значеніи живой личности въ дѣлѣ воспитанія. Не столько форма, преобразованіе уставовъ, сколько вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности, подготовка настоящихъ педагоговъ, которыхъ у насъ теперь, какъ и въ Петровское, и Екатерининское время еще очень недостаточно, могутъ преобразовать общество сверху и снизу. Н. И. говорилъ: «наставники должны быть наставниками... необходимо призваніе»... [1]) «Я того мнѣнія, говоритъ Пироговъ, что программа преподаванія необходима для неопытнаго и посредственнаго преподавателя. Дѣльный, опытный и талантливый учитель, проникнутый любовью къ своему предмету и къ своимъ занятіямъ, не нуждается въ программѣ: она у него въ головѣ, а не на бумагѣ.

Главное, по моему мнѣнію, въ обученіи дѣтей, состоитъ не въ томъ, что имъ сообщается, а въ томъ *какъ* имъ сообщается изучаемое» [2]).

Въ качествѣ врача-профессора, попечителя Одесскаго и Кіевскаго округовъ, Н. И. Пироговъ осуществилъ въ дѣйствительной жизни роль животворящей, конкретной силы въ воспитаніи. Воспитатель развиваетъ духъ ученика, передаетъ знанія и, благодаря своему опыту, предостерегаетъ отъ ошибокъ, показываетъ, какъ надо мыслить и работать. Задача самовоспитанія и воспитанія—развить высшее, Бога въ человѣкѣ — составляетъ и задачу всей нашей жизни: *совершенно — Богочеловѣчески жить.*

5) школа и жизнь.

Въ школѣ, какъ въ преднамѣренно организованномъ учрежденіи для осуществленія высокой идеальной задачи жизни,

---

[1]) Соч. Пирогова „Основныя начала правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ Гимназій Кіевскаго учебнаго Округа“.

[2]) См. ст. автора о томъ-же въ Энциклопедіи общественнаго воспитанія и обученія 1910 г. I-й выпускъ „Будущее въ нашихъ рукахъ“, гл. Педагоги-идеалисты.

ближайшимъ образомъ какъ разъ и осуществляется цѣль воспитанія, которая въ то же время составляетъ насущный вопросъ жизни. Только тамъ, гдѣ школа не противорѣчитъ коренной задачѣ воспитанія и жизни, только тамъ мудро разрѣшаются вопросы жизни—воспитанія человѣка—для блага всѣхъ. Итакъ, помимо *личности и среда*, въ которой дѣйствуетъ живая личность педагога, т. е. школа, должна развиваться въ унисонъ съ основной мыслью «Вопросовъ жизни»—«ищи быть и будь человѣкомъ». Какова же должна быть школа? До сихъ поръ всѣ школы выпускали не людей, а чиновниковъ, не сильныхъ духомъ, а людей съ тряпичной, восковой душой. Все это ясно обнаружилось предъ всѣми въ крымской кампаніи. Послѣ «Вопросовъ жизни», когда министръ народнаго просвѣщенія Норовъ предложилъ Н. И. Пирогову постъ попечителя Кіевскаго округа, Н. И. Пироговъ сумѣлъ и практически, а еще больше идейно,—реформировать, излечить больную старыми недугами русскую школу. Въ предстоящей реформѣ школы, находилъ Н. И. Пироговъ, прежде всего должны быть измѣнены принципы, фундаментъ школы. Разъ цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы осуществить идеалъ въ дѣйствительной жизни или, по крайней мѣрѣ, къ нему приблизиться, школа, какъ организованная единица для осуществленія преднамѣренно намѣченной въ жизни цѣли, внѣ жизни—нелѣпость [1]). Въ свою очередь и жизнь безъ школы, безъ лабораторіи улучшаемыхъ формъ жизни не сдѣлаетъ ни одного шага на пути улучшенія человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь требуетъ полноты и всесторонности развитія человѣческихъ способностей, и школа, какъ воспитательное учрежденіе, явилась изъ врожденнной наклонности человѣка развивать все, ему присущее. На школу надо смотрѣть, какъ на проводникъ къ распространенію убѣжденій

---

[1]) Соч. Пирогова „Школа и жизнь“.

въ будущемъ, какъ на организацію, опредѣляющую будущее жизненное развитіе. И отцы, и общество, и государство, говоритъ Н. И. Пироговъ, замѣтившій нарушеніе этого принципа въ жизни, должны возстановить значеніе школы—быть руководителемъ жизни на пути къ будущему. А это достигнется тогда, когда всѣ дарованія, высшія стремленія, способности, данныя человѣку, найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ задней, узкой мысли о приложеніи. Послѣднее само собой явится, такъ какъ оно присуще человѣку. «Даже желая отъ всей души сдѣлаться истыми спеціалистами, мы не должны забывать, что и для этого необходимо общечеловѣческое образованіе», говорилъ Н. И. Пироговъ.

Такимъ образомъ, требованіе Н. И. Пирогова не отдѣлять школу отъ жизни, а предоставить школѣ *гегемонію*, какъ вершительницѣ будущихъ судебъ жизни, какъ повелительницѣ всесторонняго развитія человѣка, избѣгая энциклопедичности, выдвигаетъ новый педагогическій принципъ, согласный съ центральнымъ ядромъ ученія Н. И. Пирогова, высказаннымъ въ «Вопросахъ жизни». Это требованіе дать школѣ первенство надъ жизнью, предоставить ей, путемъ общечеловѣческаго образованія, вырабатывать въ школахъ прежде всего человѣка, а затѣмъ уже спеціалистовъ, какъ естественное слѣдствіе перваго. Только общечеловѣческое образованіе можетъ уничтожить бездну, раздѣляющую касты, только оно научитъ быть человѣкомъ и сдѣлаетъ имъ [1])!

Такъ идеальная задача „Вопросовъ жизни“—воспитать Бога въ человѣкѣ — урегулировала отношеніе школы къ жизни и отношеніе общаго къ спеціальному образованію, принципіально разрушивъ разъ навсегда односторонніе увлеченія прежней школы: подчинять школу церкви, какъ это

---

[1]) Соч. Пирогова „Чего мы желаемъ“? „Университетскій вопросъ“.

дѣлала церковная педагогика, и подчинять школу государству, какъ это выдвинула Петровская Русь.

6) гуманитарные принципы школы.

Та же основная мысль «Вопросовъ жизни» заставляетъ Н. И. Пирогова предпочесть [2]) гуманитарное образованіе, какъ развивающее силы внутренняго міра, реальному на первыхъ ступеняхъ развитія человѣка; затѣмъ, то и другое должны идти параллельно. Идеальная задача воспитанія, выдвинутая Н. И. Пироговымъ, русскимъ гуманистомъ, уничтожала сословныя преграды, требуя законченности образованія въ каждомъ изъ училищъ, но рядомъ съ этимъ она требовала неразрывной связи въ учебномъ курсѣ всѣхъ училищъ, не препятствующей переходу учащихся изъ одного училища въ другое. Такъ уничтожались такъ называемыя привилегированныя учебныя заведенія. Эта же идеальная задача воспитанія требовала примѣняться къ потребностямъ учащихся всѣхъ слоевъ общества, ихъ способностямъ, средствамъ; выдвигала постепенность въ распредѣленіи учебнаго времени для различныхъ возрастовъ. Въ статьѣ „Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія“, Н. И. Пироговъ рѣзко раздѣляетъ классическое и реальное направленіе только въ однѣхъ гимназіяхъ съ IV класса, т. е. съ 14 лѣтъ.

Сообщая цѣлый рядъ дидактическихъ свѣдѣній относительно классическаго и реальнаго образованія, включительно съ указаніемъ числа часовъ на каждой ступени школьнаго развитія, Н. И. Пироговъ интересуется главнымъ образомъ принципіальнымъ вопросомъ воспитанія. Ни программы, которыми нельзя стѣснять ни одно учебное заведеніе, ни экзамены, ни отмѣтки, но бесѣды, развитіе самодѣятельности,

---

[2]) Ibid. „Университетскій вопросъ“.

развитіе привычки къ самостоятельному научному труду путемъ устройства посильныхъ ученикамъ средней школы литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ, развивающихъ довѣріе между учащими и учащимися,—вотъ что интересовало Н. И. Пирогова и было имъ осуществлено за время его практической, педагогической дѣятельности, какъ попечителя Одесскаго и Кіевскаго округовъ, вполнѣ отвѣчая мысли «Вопросовъ жизни»: развить не внѣшнюю, но внутреннюю высшую сторону въ человѣкѣ [1]).

Что касается экзаменаціонныхъ испытаній и отмѣтокъ, то Н. И. Пироговъ въ своихъ замѣчаніяхъ на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній за 1859 г. рѣзко осуждаетъ ихъ, какъ не педагогическія, но чисто полицейскія мѣры провѣрки знанія учениковъ. «Признавая экзамены, говоритъ Н. И. Пироговъ, мы выдаемъ себѣ расписку въ томъ, что въ продолженіе года не узнали успѣха своихъ учениковъ и пробуемъ сдѣлать поправку годового недосмотра минутнымъ опросомъ того же ученика на экзаменѣ. Кромѣ того, назначеніемъ экзамена начальство выражаетъ недовѣріе къ учителю, что въ воспитательномъ отношеніи непозволительно. Наконецъ, безсмыслица цифрами провѣрять успѣхи и нравственное поведеніе ученика. То и другое не поддается числовому вычисленію. Важнѣе количества должно быть признано качество пріобрѣтаемыхъ и пріобрѣтенныхъ знаній. Мы должны требовать отъ учащихся не максимума, что безпредѣльно, а минимума знаній, допуская оцѣнку: «да» или «нѣтъ», «знаетъ»—«не знаетъ», но не дробныя вычисленія [2]). Разница въ поведеніи и успѣхахъ учащихся зависитъ часто отъ различія ихъ темперамента, «нравствен-

---

[1]) Ibid. „О литературныхъ бесѣдахъ въ гимназіяхъ“.

[2]) Ibid, „Чего мы желаемъ“? „Универс. вопросъ“; „Взглядъ на общій уставъ ун-овъ“.

наго» склада ихъ. «Какъ же можно, съ негодованіемъ далѣе восклицаетъ Н. И. Пироговъ: мораль свести на голую ариѳметику»! Экзамены Н. И. Пироговъ рекомендуетъ замѣнить мнѣніями классныхъ наставниковъ не формальнаго характера, а дѣлаемыми ими за цѣлый годъ занятій. Въ своей автобіографіи на старости лѣтъ Н. И. Пироговъ признается намъ: «я помню, какъ меня самого парализовали экзамены. Ничего я такъ скоро не забывалъ, какъ то, что обязанъ былъ приготовить для экзамена. Лѣтъ 30 послѣ того, если я ночью пробуждался отъ непріятнаго чувства, то это почти всегда было приготовленіе къ экзамену во снѣ. Ни одной наукой я не занимался такъ нехотя, какъ той, которой учился для экзамена, и ни одна лекція не наводила на меня столько дремоты, какъ обязательная».

Задача воспитанія «иши быть и будь человѣкомъ» не мирится съ внѣшней регламентаціей неуловимыхъ и сокровенныхъ сторонъ человѣческаго духа. Та же задача воспитанія, на основаніи самопознанія, открываетъ намъ, что хорошее поведеніе въ насъ должно считаться правиломъ, а потому оно не требуетъ никакихъ поощреній и наградъ, какъ норма; дурное же, какъ допущеніе низшаго, неразумнаго, составляетъ для разумно-нравственнаго существа, какимъ является человѣкъ,—исключеніе, отклоненіе отъ нормы, болѣзнь здороваго организма. Это послѣднее мы должны излечивать не тѣлесными наказаніями, но развитіемъ чувства законности въ сознаніи учениковъ и урегулированіемъ самого воспитанія. «Опытомъ дознано, говоритъ Н. И. Пироговъ, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется нооткрытымъ и безнаказаннымъ» [1]). Въ самомъ

[1]) Ibid. „Основы начала правилъ о наказ. и прост. учеп. Гимн. Кіевск. учебн. Окр.“.

дѣлѣ, часто проступки происходятъ отъ физическаго недостатка или отъ недостатка воли, или отъ разсѣянности и т. д. [1]). Слѣдовательно, желая исправить ученика тѣмъ или другимъ способомъ, мы должны, какъ говоритъ Пироговъ, развивая нравственное сознаніе ученика при выборѣ наказаній, принимать во вниманіе индивидуальность ученика и натуру проступка. Идеалъ наказанія — естественное слѣдствіе изъ проступка. Введеніемъ по Кіевскому округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Н. И. Пироговъ уменьшилъ число наказаній и принципіально осудилъ тѣлесныя наказанія, какъ имѣющія только устрашающій характеръ и унижающія человѣческое достоинство. «Чувство стыда, говоритъ Пироговъ по поводу тѣлесныхъ наказаній, это такой нѣжный, оранжерейный цвѣтокъ, который разомъ завянетъ, когда побываетъ въ грубыхъ рукахъ».

Педагогическая система Н. И. Пирогова требуетъ, чтобы въ новой русской школѣ все было здоровымъ и нормальнымъ, согласнымъ съ основными вопросами жизни и за здоровье награждать считаетъ для себя лишнимъ. Регулируя существующія наказанія установленіемъ правилъ для воспитателей и воспитанниковъ и осуждая тѣлесныя накасанія, въ видѣ розги, существовавшей въ учебныхъ заведеніяхъ того времени, Пироговъ требовалъ ввести въ школѣ нравственное вліяніе, какъ единственно отвѣчающее задачѣ воспитанія. Для того же, чтобы повысить нравственное вліяніе въ школѣ, надо поднять *нравственно-воспитательный элементъ въ наукѣ*— съ одной стороны, и поднять *личное достоинство учащихъ и учащихся* съ другой.

Введеніе товарищескаго суда, но не самосуда учащихся, говоритъ Пироговъ, поднимаетъ достоинство учащихся.

Для того, чтобы достигнуть поднятія нравственно-воспитательнаго элемента въ наукѣ, надо, чтобы воспитатели развивали

---

[1]) См. ibid. „Нужно ли сѣчь дѣтей“?

въ ученикахъ здравый смыслъ и любовь къ истинѣ, а черезъ это улучшали бы нравы будущихъ поколѣній. Только наукой каждый учитель развиваетъ душевныя стороны ученика, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитываетъ. «Въ моихъ глазахъ, говоритъ Пироговъ, и здравый смыслъ, и характеръ, и воля воспитанника разовьются гораздо болѣе отъ часового ученія у одного или двухъ дѣльныхъ наставниковъ, нежели отъ безпрестаннаго надзора десяти надзирателей, гувернеровъ, воспитателей, или какъ-бы они ни назывались,—имя не перемѣнитъ дѣла».

Такимъ образомъ, при передачѣ истинныхъ знаній, особенно, если эта передача сопровождается воодушевленіемъ, убѣжденіемъ, каждый учитель непремѣнно становится и воспитателемъ, такъ какъ заставляетъ лучшими способами преподаванія сознательно усваивать науку и тѣмъ самымъ дѣйствуетъ на развитіе душевныхъ способностей. При *разумномъ* усвоеніи научнаго матеріала и заучиваніе не вредно. Конечно, надо отличать заучиваніе отъ задалбливанія. Сознательное усвоеніе, которое ведется эвристическимъ или сократовскимъ способомъ, удерживая все время въ напряженіи вниманіе всего класса, не проводитъ рѣзкой грани между спрашиваніемъ и объясненіемъ урока и, повышая самодѣятельность учениковъ, тѣмъ самымъ воспитываетъ учащихся. Вотъ это-то пробужденіе въ ученикѣ внутреннихъ, лучшихъ сторонъ его, устанавливающихъ взаимодѣйствіе между учителемъ и учеником, Пироговъ ставилъ выше всего, а поэтому и требовалъ воспитаніе и образованіе непремѣнно совмѣщать въ такъ называемомъ воспитывающемъ обученіи, въ которомъ споръ о преимуществахъ формальнаго и матеріальнаго образованія самъ собой исчезаетъ. Другими словами, Пироговъ требовалъ одновременно давать ученикамъ цѣнныя знанія и развивать душевныя, внутреннія силы ихъ. Въ виду же того, что вниманіе играетъ большую роль въ развитіи самопознанія, Пи-

роговъ рекомендовалъ изучить тѣ мѣры, которыя возбуждаютъ и поддерживаютъ вниманіе цѣлаго класса, столь необходимое и для сознательнаго, воспитывающаго человѣка, усвоенія науки. Мѣстныя условія каждаго учебнаго заведенія варьируютъ способы изложенія предмета, направляя его къ развитію заранѣе намѣченныхъ, опредѣленныхъ душевныхъ способностей учащихся.

Педагогъ-гуманистъ, придавая огромное значеніе развитію самодѣятельности, не только не отрицалъ пользы внѣклассныхъ работъ, а, напротивъ, видѣлъ въ нихъ весьма важное средство къ умственному развитію.

Что касается развитія вниманія у учениковъ, тѣсно связаннаго съ развитіемъ самодѣятельности и переплетающихся другъ въ другѣ, Н. И. Пироговъ говоритъ такъ: «быть внимательнымъ къ словамъ и мыслямъ другого есть искусство и искусство не легкое, которому нельзя научиться, не упражнявшись съ раннихъ лѣтъ... Не забудьте, добавляетъ онъ, что нитка, которой привязано вниманіе у всѣхъ насъ, а еще больше у гимназиста, такъ тонка, что она тотчасъ оборвется, если ее или не дотянешь, или перетянешь».

«Знайте, мнѣ за 50, восклицаетъ Н. И. Пироговъ, а я не ручаюсь за мое вниманіе ни на одной изъ нашихъ университетскихъ лекцій; чего-же вы хотите отъ ребенка?

Кто изъ учителей не знаетъ, чѣмъ занята голова каждаго изъ учениковъ въ то время, когда онъ учитъ, тотъ не учитель, и училище, которое дѣлаетъ это невозможнымъ—не училище, а разсадникъ будущихъ мухолововъ»... «Лѣнь часто отъ невнимательности»... Для повышенія внимательности класса Н. И. Пироговъ рекомендуетъ останавливать отвѣчающаго на неоконченномъ отвѣтѣ, заставляя продолжать другого, сидящаго черезъ одну или двѣ скамейки.

Наглядность въ жизни и въ обученіи, съ точки зрѣнія Н. И. Пирогова, также является однимъ изъ средствъ,

повышающихъ вниманіе отдѣльнаго ребенка и цѣлаго класса.

Самъ Н. И. Пироговъ помнитъ отцовскую саблю въ старыхъ ножнахъ и разсказы няни о походахъ отца, любимую игру въ лекаря, помнитъ и дѣдушкинъ рыжеватый паникъ, который дѣдушка Иванъ Михеевичъ, входя въ церковь, всегда снималъ и обнажалъ свою плѣшивую, какъ кулакъ, голову, чѣмъ приводилъ (по выраженію мѣстнаго священника, упрекавшаго дѣдушку за это) въ соблазнъ «предстоящихъ» людей въ храмѣ Божіемъ... «Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слышь я этихъ разсказовъ, прибавляетъ 70-лѣтній Пироговъ,—вѣрно, и сабля, и паникъ давно исчезли-бы изъ моей памяти». Итакъ, слову мы часто болѣе обязаны, чѣмъ чувствамъ, думаетъ Пироговъ, а поэтому о наглядности въ обученіи Пироговъ говорилъ такъ: «необходимо воспитателю орудовать даромъ слова такъ, чтобы онъ употреблялся имъ не для одного только осмысленія пріобрѣтаемаго наглядностью матеріала, а также и для воздѣйствія на другія, болѣе глубокія влеченія души, скрывающіяся подъ наплывомъ внѣшнихъ ощущеній». Самъ Пироговъ на себѣ испыталъ силу и значеніе слова на урокахъ русскаго языка у учителя Войцеховича. Н. И. Пироговъ по этому поводу говоритъ слѣдующее:

— «Ни на одинъ урокъ я не шелъ такъ охотно, какъ въ классъ Войцеховича; въ немъ все было для меня привлекательно. Серьезный, задумчивый, высокій и нѣсколько сутуловатый, съ добрыми голубыми глазами, Войцеховичъ одушевлялся на урокѣ такъ, что одушевлялъ и насъ».

Другими словами—не только наглядность, внѣшнія педагогическія мѣры, но вдохновленное слово учителя, интересъ къ преподаваемому—вотъ что является условіемъ повышенія вниманія и самодѣятельности у ученика, какъ въ семейной, такъ и въ школьной обстановкѣ.

Замѣчая въ школѣ господствованіе бюрократизма, чино-

началія, Пироговъ ставилъ необходимымъ требованіемъ новой гуманитарной русской школы развитіе *коллегіальнаго* начала, выбора директора изъ среды учительской корпораціи. На педагогическія засѣданія [1]), имѣющія цѣлью сблизить всѣхъ педагоговъ, а общество познакомить съ развитіемъ педагогики, путемъ обнародованія отчетовъ объ этихъ засѣданіяхъ, Пироговъ смотрѣлъ серьезно. Онъ находилъ, что въ этихъ засѣданіяхъ должны вырабатываться педагогическія мѣры изнутри педагогическаго дѣла. Въ этихъ мѣрахъ ничего не должно быть въ одну форму закабаленнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ не дожно быть ничего и произвольнаго; вездѣ должно чувствоваться вліяніе *живой*, единой, гармонической, коллегіальной силы. Все это, по мнѣнію Пирогова, поддержитъ добрую традицію въ школѣ, открытый духъ корпораціи въ учебныхъ заведеніяхъ, поможетъ выработать высшее, лучшее, идеальное, Богочеловѣческое въ человѣкѣ.

Такъ какъ школа должна научить человѣка согласовывать идеальную задачу жизни съ дѣйствительными потребностями ея, то чѣмъ больше свободы въ школѣ, чѣмъ ближе школа къ жизни, тѣмъ лучше. Никакой замкнутости школъ не должно быть.

Въ уставѣ новой гимназіи, предлагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, Н. И. Пироговъ высказывается противъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, такъ какъ они развиваютъ особые воспитательные пороки, какъ большіе госпитали развиваютъ госпитальныя болѣзни. Пироговъ допускаетъ закрытыя учебныя заведенія только для безсемейныхъ, при условіи, чтобы они были немноголюдны и чтобы старшіе воспитанники были отдѣлены отъ младшихъ

---

[1]) Ibid. „О предметахъ педагогическихъ сужденій и препій педагогическихъ совѣтовъ въ гимназіяхъ“. „Основн. начала правилъ о прост. и наказ. уч. Гимн. Кіев. уч. Окр.“.

и имъ была бы предоставлена большая свобода, сравнительно съ послѣдними.

Какое бы учебное заведеніе ни было, учителю, какъ наставнику [1]), надо всегда аппелировать къ сердцу ученика, добрые инстинкты дѣтской природы возвести къ сознательному стремленію искать правды, добра и, путемъ развитія воли, образовывать нравственныя убѣжденія. Все это надо внѣдрить въ сущность ребенка, чтобы научить его быть человѣкомъ, а не казаться имъ. Школьные спектакли, развивающіе соревнованіе, придуманные родителями, главнымъ образомъ, изъ тщеславія, Пироговымъ были осуждены такъ же строго, какъ экзамены. И то, и другое пріучаетъ дѣтей не быть, но только казаться, образуя привычку лгать, т. е. прививая безнравственныя начала съ самаго ранняго дѣтства. Однимъ словомъ, не столько внѣшній формализмъ, сколько пріученіе дѣтей къ откровенности, устраняя все, что пріучаетъ ихъ къ притворству — вотъ что составляетъ задачу истиннаго педагога [2]).

Въ статьѣ «Быть и казаться» Н. И. Пироговъ чрезвычайно внимательно заглядываетъ въ дѣтскую душу, требуя спеціальнаго изученія дѣтской души. «Дѣтская душа храмъ говоритъ онъ, надо изучать ее со вниманіемъ... Къ Вамъ, матери семействъ, относится преимущественно мой совѣтъ. Вмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни! Наблюдайте отсюда за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда, когда они возвратятся къ вамъ утомленныя играми и всегда готовыя снова начать ихъ»...

---

[1]) „Требованіе отъ наставниковъ, чтобы они замѣняли родителей,—невыполнимое требованіе“, говоритъ Пироговъ.

[2]) Бертенсонъ „Н. И. Пироговъ“.

«О если-бы всѣ родители и педагоги по призванію, восклицаетъ Пироговъ, вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали-бы они! Какъ обновились-бы, какъ поумнѣли-бы сами! Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ швейцарцемъ, сердечно любившемъ дѣтей, произвелъ на свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы теперь только что начинаемъ пользоваться. Когда душу умалишенныхъ изучаютъ, какъ-же не изучать дѣтской души».

7) воскресныя школы.

Н. И. Пироговъ вдохнулъ новую жизнь и новый духъ не только въ среднюю, но и въ низшую школу. Мало того, что онъ требовалъ образованія, какъ насущной потребности, для всѣхъ, онъ еще заботился о томъ, чтобы народъ не раскрошилъ по дорогѣ жизни тѣ крохи образованія, которыя онъ получилъ въ элементарной школѣ. На учрежденныя впервые въ 1859 г. имъ самимъ въ Кіевѣ при Подольскомъ училищѣ воскресныя школы, Пироговъ смотрѣлъ, какъ на средство распространять *осмысленную* грамотность въ народѣ. Воскресныя школы, кромѣ просвѣтительнаго значенія имѣютъ и нравственное вліяніе: онѣ отвлекаютъ народъ отъ разгула и праздности, что въ Россіи особенно цѣнно. Въ открытой въ Кіевѣ воскресной школѣ были примѣнены лучшіе способы обученія, поднялась частная инціатива и благотворительность. Какое вліяніе имѣли воскресныя школы на развитіе общественнаго самопознанія, лучше всего свидѣтельствуетъ то дружное участіе, которое принялъ весь, старый и молодой, Кіевъ въ ихъ развитіи!

Предположеніе администраціи, будто воскресныя школы являются очагомъ революціонной пропаганды, въ свое время Пироговымъ было опровергнуто. «Ни одна революціонная доктрина не образовывалась въ самой школѣ, а выходила

готовая, вырабатываясь за стѣнами школы. Чтобы препятствовать распространенію ложныхъ идей, необходимо позаботиться о развитіи противоположныхъ, т. е. истинныхъ идей. Нельзя каналы принимать за родники», такъ заканчиваетъ Пироговъ — raison d'être воскресныхъ школъ.

8) Университетскій вопросъ.

Заботясь о низшемъ и среднемъ образованіи, Пироговъ не забылъ и высшаго. Въ рядѣ идейныхъ статей Пирогова: «Чего мы желаемъ?», «Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ», «По поводу занятій русскихъ ученыхъ за границей» и «Университетскій вопросъ», Н. И. Пироговъ предлагаетъ широкую реформу университета. И въ этой реформѣ осуществленіе идеальной задачи полагается Пироговымъ во главу угла. Идеалъ не препятствуетъ дѣйствовать, не мѣшаетъ, но обусловливаетъ собою напряженіе въ работѣ. Идеальная задача ближайшимъ образомъ связана съ реформой университета, такъ какъ только внесеніе идеальныхъ задачъ измѣнитъ въ немъ духъ и способъ ученія, что для университетской реформы крайне необходимо.

До сихъ поръ измѣняли различнымъ образомъ организацію университета, забывая о самомъ существенномъ — о прогнившемъ фундаментѣ его. Вотъ почему реформы университета, задѣвая лишь частности, не достигали никакихъ существенныхъ улучшеній въ жизни университета.

Отмѣчая причины возникновенія нашихъ университетовъ, сравнительно съ заграничными, и критикуя основное настроеніе русскихъ университетовъ, Н. И. Пироговъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «наши университеты, какъ созданные правительственною властью для цѣлей государства, выдвигаютъ, главнымъ образомъ, образовательно-государственно-благотворительный элементъ, отдѣляя образовательный отъ научнаго элемента. Отсутствіе свободы въ развитіи универ-

ситета и полная неопредѣленность положительныхъ задачъ университета,—вотъ что является характерной чертой нашихъ университетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ дать опредѣленіе русскимъ университетамъ лишь отрицательнымъ путемъ, чрезъ указаніе на то, чѣмъ наши университеты сейчасъ не являются. Мы можемъ сказать: наши университеты учрежденія не чисто научныя, не чисто спеціальныя, не дающія высшаго общечеловѣческаго образованія. Эти учрежденія не открыты для любознательности разныхъ половъ, возрастовъ и сословій, не воспитательное заведеніе, не являются представителемъ универсальной, чистой науки, ни чисто церковныхъ, или сословныхъ, ни бюрократическихъ началъ. Но въ нихъ всего понемногу и вмѣстѣ съ тѣмъ полная неопредѣленность всего. Вмѣсто того, чтобы быть свободной, независимой единицей, университетъ является служебнымъ орудіемъ въ рукахъ церкви, правительства и общества. Утилитарныя соображенія разрываютъ связь между факультетами». Полная неопредѣленность университетской задачи, бѣдность динамическихъ и матеріальныхъ силъ университета, на ряду съ учащеніемъ студенческихъ безпорядковъ, заставляютъ желать коренного измѣненія его. Но, чтобы реформа не вылилась во внѣшнюю регламентацію, напрасно не экспериментировала бы надъ живымъ матеріаломъ, необходимо, по словамъ Пирогова, заручиться желаніемъ правительства осуществить реформу, сумѣть согласовать интересы чисто университетскіе съ государственными и общественными требованіями, при чемъ общественныя требованія должны составлять не мнѣнія, но прочныя убѣжденія. А для всего этого надо поднять жизненныя силы университета, надо сумѣть удержать человѣка на научномъ поприщѣ такъ, чтобы самоусовершенствованіе сдѣлалось главной цѣлью его жизни. Достигнуть этого возможно только поднятіемъ научнаго духа въ университетѣ. «Отдѣлить учебное отъ научнаго въ университетѣ нельзя,

говоритъ Н. И., но научное и безъ учебнаго все-таки свѣтитъ и грѣетъ, а учебное безъ научнаго — какъ бы ни была приманчива его внѣшность — только блеститъ». Улучшить матеріальныя средства преподающихъ, давать вознагражденіе въ высшей и средней школѣ по личнымъ заслугамъ, таланту, а не по должности—тоже важно, но это должно явиться, какъ естественное слѣдствіе поднятія научнаго духа въ университетѣ. Для этого же надо способствовать соревнованію между профессорами, ввести сильное, прогрессивное, производительное, коллегіальное начало, а не группировку на враждебныя, преслѣдующія личные интересы партіи. Чтобы въ университетѣ воспитывалась производительная положительнымъ дѣломъ коллегія, надо дать университету автономію, которая выработаетъ богатую содержаніемъ, внутреннюю жизнь въ университетѣ. Университетская корпорація, контролируемая общественнымъ мнѣніемъ, внѣ іерархическаго, бюрократическаго формализма, съ богатымъ резервуаромъ свѣжихъ силъ (доцентство, но не адъюнктство), разовьетъ въ свободномъ словѣ и мысли высшую силу — силу правды. Распространяя истинную науку и просвѣщеніе не столько искорененіемъ зла, сколько, главнымъ образомъ, насажденіемъ добра, университетъ нравственно отвѣчаетъ предъ наукой, правительствомъ и обществомъ.

Такъ автономія университета, поддерживая добро въ мірѣ, отлично можетъ согласоваться съ государственнымъ учрежденіемъ, все же преслѣдующимъ благо своихъ подданныхъ, а среди человѣческихъ благъ — стремленіе къ совершенствованію есть одно изъ самыхъ существенныхъ благъ.

Пироговъ выясняетъ отношеніе университета, какъ автономной коллегіи, къ министру, къ попечителю. Автономная коллегія сносится непосредственно съ министромъ, попечитель же является не начальствомъ, но контролеромъ безъ права

на veto; къ студентамъ отношеніе попечителя должно быть чисто воспитательное. Общество контролируетъ университетъ, знакомясь съ печатаемыми отчетами совѣтовъ. Гласность и отчетность—conditio sine qua non автономной университетской корпораціи. Такъ какъ университетъ, какъ живое лицо, не терпитъ никакихъ заранѣе преднамѣченныхъ косныхъ формъ, въ видѣ однородности уставовъ, поэтому децентрализованный университетъ, каковымъ онъ является въ Германіи, съ мѣстнымъ уставомъ въ каждомъ изъ нихъ, легче осуществитъ идеальную задачу университета: чрезъ свободное, безкорыстное изученіе науки легче достигнуть истиннаго гуманизма, легче стать и быть человѣкомъ. Дѣйствительно, дѣло не въ томъ, чтобы найти одинъ общій уставъ россійскихъ университетовъ, а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности каждаго изъ россійскихъ университетовъ, которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована дѣятельность каждаго университета, тѣмъ болѣе каждый изъ нихъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества и, какъ самостоятельная, общественная сила, сумѣетъ обнародить науку и научитъ — Humanis Universitas — искать и быть человѣкомъ!

Устройствомъ ряда публичныхъ лекцій университетъ можетъ живымъ голосомъ разъяснять обществу всѣ интересующіе его вопросы, которыхъ не мало: юридическій, крестьянскій, о народномъ образованіи. Распространеніе здоровыхъ понятій въ обществѣ, болѣе убѣдительныхъ въ живомъ словѣ, чѣмъ въ журналѣ или книгѣ, создастъ общественное убѣжденіе и усилитъ связь между университетомъ и обществомъ, столь необходимую для гуманизированія общества въ его цѣломъ. Для того, чтобы русскій университетъ обнародить, говоритъ Пироговъ, надо еще больше усилить связь университета съ обществомъ, а для этого необходимо увеличить вліяніе университета на гимназію. Средства къ

этому: устройство съѣздовъ учителей въ университетскихъ городахъ, устройство педагогическихъ институтовъ, преподаваніе профессоровъ въ гимназіяхъ, необходимое для цѣлей подготовки себѣ достойныхъ учениковъ въ университетѣ; главное же — развитіе полной гласности въ университетской жизни. Профессорскія лекціи должны печататься и обсуждаться въ критикѣ, а также слѣдуетъ, до извѣстной степени, прислушиваться къ голосу учащихся. Въ ученую коллегію безъ паспорта, зря, впускать нельзя. Мѣра же достоинства профессора опредѣляется, помимо доцентуры, числомъ слушающихъ его, литературными, научными трудами, значеніемъ для университета излагаемой науки. Если университетъ, благодаря существованію конкурса, будетъ снабженъ достойными званія профессора-учителя-руководителя силами, тогда вліяніе его на общественную жизнь будетъ очень замѣтнымъ. Но во взаимоотношеніяхъ университета и общества надо помнить, что по рожденію наука имѣетъ за собой, какъ выражается Пироговъ, le droit divin. Хотя университетъ и воспитываетъ общество, но онъ не является слугой его. Сглаживая договорнымъ началомъ отношеніе между университетомъ и обществомъ, надо помнить, что за наукой остается законодательная, судебная и всякая другая власть со всѣми правами, кромѣ кулачнаго. Общество обязано, говоритъ дальше Н. И. Пироговъ, не нарушать и не прерывать свободы изысканія, на которой основана законодательная власть науки. Для этой-то законодательной власти и учреждены университеты.

Если воспитаніе высшихъ сторонъ въ человѣкѣ, воспитаніе Бога въ человѣкѣ, составляетъ главный вопросъ жизни, а совершеннѣе и полнѣе всего онъ осуществляется въ университетѣ, то затруднять входъ въ университетъ различнаго рода регламентаціей для общества и государства чрезвычайно вредно. Не допускать въ университетъ—значитъ препятствовать гуманизаціи общества и создать недовольство въ обще-

ствѣ. Университетъ надо сдѣлать какъ можно болѣе открытымъ и доступнымъ. Онъ тѣмъ и силенъ, что, органически связывая науки и различные факультеты, носитъ въ себѣ образовательную силу дѣйствовать на человѣка,—на однихъ—сознательно, на другихъ—безсознательно,—пробуждающимъ образомъ. Университетъ вызываетъ даже и въ спеціальномъ образованіи общечеловѣческій, научный элементъ. Этимъ онъ удерживаетъ спеціалистовъ отъ рутинерства. Вотъ почему воспитательное значеніе университета огромно: здѣсь образованіе и воспитаніе слиты, такъ какъ учить значитъ по преимуществу учить доброму; здѣсь источникъ нравственной правды, добра и свѣта истины; здѣсь, благодаря научному изслѣдованію, уменьшаются тренія и утилизируются силы общества, многое уясняется и примиряется путемъ распространенія здравыхъ понятій объ университетѣ.

Для того, чтобы понять значеніе университета, кореннымъ образомъ измѣнить духъ его, надо многое измѣнить и въ способахъ университетскаго преподаванія. Не столько чтеніе лекцій, при которыхъ студенты остаются пассивными слушателями, сколько *практическія занятія*, устройство *семинарій* должны составить преобладающую форму университетскаго обученія. Практическія занятія вырабатываютъ въ студентахъ самодѣятельность, активность духа, вкусъ къ наукѣ и больше сближаютъ профессора съ его учениками. Для полноты разработки университетскаго вопроса, Пироговъ не упустилъ изъ виду и матеріальныя средства университета. Государство, общество и студенты дробной платой по лекціямъ матеріально поддерживаютъ университетъ. На эти средства учащіеся должны получить полное научное образованіе, при наличности по факультетамъ всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій.

Гуманитарная задача университета не должна никому внушать опасенія. Вырабатываемая университетомъ свобода

мысли и слова только увеличиваетъ сумму добра на землѣ. Гуманитарное образованіе только въ рукахъ мертвыхъ можетъ быть нежизненнымъ, въ рукахъ живыхъ оно живоносная и плодотворная творческая сила.

Намъ, вступающимъ въ область гражданственности, особенно необходимо общечеловѣческое образованіе. Идеально-нормальное просвѣщеніе то, когда всѣ, безъ различія, вступаютъ въ жизнь однимъ университетскимъ путемъ.

Если экзамены, какъ отнимающіе время отъ науки, свидѣтельствуя лишь о безплодности годовой работы, должны быть уничтожены въ средней школѣ, то, по тѣмъ же соображеніямъ, слѣдуетъ уничтожить ихъ и въ университетѣ.

Достаточно требовать 2-хъ ученыхъ степеней: кандидата и доктора. Начинающимъ профессорамъ, Пироговъ рекомендуетъ, для пользы дѣла, излагать не весь предметъ въ его полномъ объемѣ, а отдѣльную часть его. При такомъ способѣ изложенія, студенты постигаютъ методъ разработки науки, пріобрѣтаютъ любовь и вкусъ къ наукѣ и научаются нравственно совершенствоваться, а изъ профессора при такомъ способѣ работы легче можетъ выработаться истинный ученый въ будущемъ. Знакомство со всѣмъ предметомъ студенты могутъ получить изъ учебника, которымъ въ университетѣ не слѣдуетъ пренебрегать. Главное, чему долженъ научить университетъ: привычкѣ научно работать, трудиться, найти гумапитарную цѣль и, дѣйствительно, сдѣлаться человѣкомъ, т. е. осуществить высшую цѣль жизни, поставленную такъ ярко и смѣло авторомъ «Вопросовъ жизни».

Во всякой реформѣ, также и въ университетской, Пироговъ рекомендовалъ дѣйствовать эволюціоннымъ путемъ: обдуманно и вѣрно. Онъ предупреждаетъ насъ не поддаваться національной нашей слабости всегда и во всемъ переходить чувство мѣры. Объ этой національной особенности Пироговъ говорилъ такъ: «мы странны, національно странны, и въ на-

шей оригинальности и въ нашемъ подражаніи. Въ оригинальности мы хотимъ перещеголять всѣхъ другихъ, выдумать разомъ что-нибудь такое, что другимъ никакъ не могло придти на умъ. Въ подражаніи мы или рабски подражаемъ, или же стараемся попасть, опять-таки разомъ, на самую послѣднюю ступень, и то, чего другіе достигали медленно, переходя съ одной ступени на другую, мы хотимъ одолѣть разомъ».

Полно и всесторонне разработанный Пироговымъ университетскій вопросъ обращаетъ университетъ въ учрежденіе, осуществляющее высокую задачу жизни — *образовать изъ индивидуума личность, воспитывая въ немъ Богочеловѣческое.* Такъ сердцевина, основное ядро педагогической системы Н. И. Пирогова—«ищи быть и будь человѣкомъ», нашла свое полное выраженіе въ проектѣ реформированнаго русскаго университета.

Цѣлый рядъ преобразованій, частью намѣченныхъ, частью осуществленныхъ Пироговымъ за время его долголѣтней дѣятельности въ качествѣ руководителя подрастающаго поколѣнія, врача, профессора, попечителя и просто человѣка, начиная съ низшей и кончая высшей школой—университетомъ, показалъ намъ, что слово Пирогова, человѣка огромной воли, было дѣломъ, подвигомъ всей его жизни. Его слово—это дѣло, это вѣчная борьба за идеалъ.

Н. И. ПИРОГОВЪ, КАКЪ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ И ВМѢСТѢ СЪ ТѢМЪ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГЪ.

ГЛАВА IV.

Н. И. Пироговъ, какъ универсальный и вмѣстѣ съ тѣмъ національный педагогъ.

Если съ перваго взгляда намъ кажется, будто вся педагогическая система Н. И. Пирогова, выдвигающая основной принципъ общечеловѣческаго воспитанія, не самобытна, а заимствована отъ нѣмцевъ, то въ этомъ взглядѣ кроется глубоко ошибочное пониманіе педагогической системы Н. И. Пирогова [1]).

Съ внѣшней стороны въ ученіи Н. И., дѣйствительно, универсализмъ кажется преобладающимъ; вся педагоги-

[1]) *Примѣчаніе:* Трудно согласиться со взглядомъ П. Ф. Каптерева (см. *П. Ф. Каптеревъ* „Исторія русской педагогіи“ 1910 г.) на Н. И. Пирогова, какъ на выразителя старой „богословской“ педагогики и къ тому-же будто-бы проникнутаго „онѣмеченнымъ“ духомъ.

Если Н. И. Пироговъ выразитель исконно-религіозной черты русскаго народа, названной неудачно „богословской“ чертой, въ такомъ случаѣ его „онѣмеченность“ уничтожается сама собой. Или, если Н. И. Пироговъ выразитель нѣмецкой педагогики, тогда нѣтъ у него органичесной связи съ прошлымъ. Здѣсь можетъ быть только Кантовское „entweder“ „oder“.

Думается, усвоивъ лучшее съ Запада, отъ нѣмцевъ Н. И. Пироговъ сумѣлъ это лучшее провести сквозь *свой національный* фильтръ настолько глубоко, что первопрестольная русская Москва нашла возможнымъ для себя дать, одному изъ сыновъ своихъ, Н. И. Пирогову право носить званіе почетнаго Московскаго гражданина.

За національность перваго русскаго реформатора воспитанія Н. И. Пирогова говорятъ не слова, а всѣ его *дѣла.*

ческая система видимымъ образомъ напоминаетъ метафизическое теоретизированіе нѣмцевъ. Но на самомъ дѣлѣ Н. И. Пироговъ, сумѣвшій перевоплощаться въ другой народъ, глубоко понимая особенности этого народа, напоминаетъ намъ Пушкина,—безспорно, русскаго, народнаго писателя. Н. И. многое провидѣлъ, чаялъ, разумѣлъ непосредственнымъ чутьемъ, интуиціей, какъ геній. Для Н. И. универсальная точка зрѣнія была необходима, какъ Oberblick, какъ *методъ изслѣдованія*, позволяющій ему лучше разсмотрѣть прошлое и современное для построенія улучшеннаго, сравнительно съ прежнимъ, *новаго національнаго*.

27-го декабря 1881 г. Бакстъ въ своей рѣчи на собраніи «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» сказалъ: «Какъ истинный мыслитель и патріотъ, Н. И. Пироговъ сознавалъ, что понятіе о какой-либо *національной наукѣ* есть понятіе столь же абсурдное, какъ понятіе о холодномъ огнѣ или деревянномъ желѣзѣ; онъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что въ области науки и ея преподаванія должна исчезать всякая мысль о національности (въ смыслѣ чего-то замкнутаго) и что, напротивъ того, чѣмъ болѣе какой-нибудь народъ проникается этимъ убѣжденіемъ, тѣмъ болѣе онъ дѣйствительно возвышаетъ свою національность. Въ области, гдѣ должна царить одна идея о человѣчности, ему не нужно было привлекать къ себѣ временное вниманіе современниковъ пустозвонною эксплоатаціею идеи о національности, ему этого не нужно было, потому что онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ въ дѣйствительно научномъ творчествѣ и могъ быть увѣренъ въ неизмѣнномъ вниманіи къ своимъ твореніямъ не только современниковъ, но и далекаго потомства. Онъ былъ убѣжденъ, что и здѣсь, на землѣ,—гдѣ все проходитъ, — есть одно ненарушимое — это господство идей». *Христіанское міропониманіе* «нѣсть ни эллина, ни іудея» и

глубокій просвѣщенный умъ Н. И. позволяли ему раздвинуть рамки узко понятой національности до идей общечеловѣческихъ, повышающихъ и самую національность. Вотъ что онъ говоритъ о себѣ на привѣтствіе еврейскаго общества гор. Бердичева, при прощаніи его съ Кіевскимъ учебнымъ Округомъ: «Вы, мм. г.г., выражаете мнѣ сочувствіе за то, что я сочувствовалъ еврейской націи. Но это не заслуга, это лежитъ въ моей натурѣ; я не могъ дѣйствовать противъ себя самого. Съ тѣхъ поръ, какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между моими товарищами, такъ и между моими подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти же убѣжденія я перенесъ и на евреевъ, когда по обстоятельствамъ жизни и службы вступилъ въ прикосновеніе съ ихъ обществомъ. Эти же убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшись цѣлою жизнью, сдѣлались для меня уже второю натурою, и не покинутъ меня до конца жизни!»

И въ этомъ взглядѣ Н. И. явился выразителемъ лучшихъ сторонъ русской націи, издревле вѣротерпимой и широко раздвигающей рамки понятія «брата во Христѣ». Дѣйствительно, Н. И. сумѣлъ намъ открыть идеальнѣйшія и идейныя стороны русской духовной природы.

«Соборность духа», какъ называлъ Вл. Соловьевъ наше стремленіе къ универсальному,—глубоко почвенная основа. Мы сильны всегда были «міромъ». Вѣчевой порядокъ, порядокъ „соборности“, въ крови у насъ. Радищевъ, Новиковъ отмѣчали въ насъ эту черту еще раньше Вл. Соловьева. *Соборность духа русскаго народа*, признаваемая Соловьевымъ, это то же, что требованіе общечеловѣческаго воспитанія въ системѣ Н. И.

Пирогова и совмѣщеніе въ органически цѣлое индивидуально-соціальнаго воспитанія. При этомъ на развитіе индивидуализма Н. И. обращалъ особенное вниманіе противъ чувства стадности. «Пусть каждый, а также и крестьянинъ, скажетъ себѣ: я—человѣкъ и знаю мои права и мои обязанности. До сихъ поръ мы наблюдаемъ, какъ безразсудно крестьяне предоставлены своимъ стаднымъ инстинктамъ, и какъ мало заботится кто-нибудь объ ихъ просвѣщеніи и индивидуальномъ развитіи; послѣдній проявляется между тѣмъ самъ, но безобразно, въ видѣ семейныхъ раздѣловъ, споровъ и дракъ съ перепою. Всякая нелѣпость можетъ найти легко вѣру въ массѣ, руководимой инстинктами стяжанія, борьбы за существованіе и поживы чужимъ добромъ». Въ совмѣщеніи индувидуальнаго и соціальнаго въ общечеловѣческомъ или *сверхнаціональномъ* заключается новое обнаруженіе *національнаго* облика Н. И. Пирогова.

Признаніе *сверхнаціональнаго* ничто иное, какъ выраженіе *религіознаго идеалистическаго* настроенія русскаго народа, настроенія, которымъ такъ богато насыщена душа Пирогова.

Сочиненія Н. И. Пирогова и знакомство съ личностью и практическою дѣятельностью его показываютъ, что онъ глубоко русскій и противополагать его К. Д. Ушинскому не приходится. Единственно, что слѣдуетъ признать, это то, что К. Д. Ушинскій полнѣе разработалъ вопросъ о національной педагогикѣ.

Въ защиту національныхъ чертъ Н. И., на ряду съ универсальными стремленіями его, намъ хочется добавить слѣдующее: развѣ не въ русскомъ національномъ духѣ лежитъ идея общечеловѣческаго, не просто соціальнаго, а сверхсоціальнаго, ради идеальнаго?! Еще древнее русское повелѣніе, перешедшее заповѣдью изъ устъ въ уста: «не помысли зломъ на татарина, не обидь въ чистомъ полѣ христіанина», свидѣтельствуетъ о русскомъ идеализмѣ, какъ искони сильной

чертѣ этого народа, гуманизмѣ его. Вся наша литература, вплоть до настоящаго времени, есть громкій призывъ защитить угнетенныхъ, униженныхъ, оскорбленныхъ несчастливцевъ рода человѣческаго. Гдѣ бы ни произошла бѣда, мы готовы идти на спасеніе погибающихъ, какой бы цѣной спасеніе ихъ намъ не доставалось. Не мало примѣровъ этому мы видимъ въ нашей отечественной исторіи, напр. освобожденіе грековъ, болгаръ и т. д. И этотъ порывъ не благія пожеланія, не безплодныя мечтанія, а дѣло жизни. Дѣйствительно, когда намъ не запрещаютъ того, другого, десятаго, когда насъ не стѣсняютъ и тутъ, и тамъ, мы сейчасъ же покидаемъ мечты и утопіи, принимаясь за дѣло. Мы такъ же ревностно и неустрашимо совершаемъ на Руси освобожденіе крестьямъ, какъ переходимъ и Балканы, чтобы освободить угнетенный народъ, «братьевъ во Христѣ». Отзывчивость на доброе, совѣстливость русскаго народа, выраженныя Достоевскимъ въ «Преступленіи и Наказаніи», а также и другими нашими русскими писателями въ ихъ сочиненіяхъ, тоже свидѣтельствуютъ о народности Н. И., когда послѣдній требуетъ воспитать въ человѣкѣ Бога и считаетъ это требованіе естественнымъ стремленіемъ здороваго человѣка, человѣка съ притязаніемъ на умъ и чувство.

Что Н. И., съ чисто русской фамиліей — Пироговъ, получившій первоначальное образованіе въ первомъ «Отечественномъ училищѣ» Кряжева, дѣйствительно, былъ и національный педагогъ, это видно изъ его требованія не учить многимъ языкамъ, а научить всѣхъ правильно мыслить на одномъ *родномъ*, чѣмъ онъ почти не отличается отъ творца «Родного Слова» К. Д. Ушинскаго, глубоко народнаго педагога. Н. И. Пироговъ понималъ, что изученіе родного языка больше всего сольетъ каждаго съ его народомъ въ одно органическое цѣлое [1]).

---

[1]) Сравн. *В. П. Авенаріусъ*. „Молодость Н. И. Пирогова“, стр. 124. 1910.

Признавая общечеловѣческое воспитаніе, какъ идеалъ воспитанія, Пироговъ остался убѣжденнымъ, что нашъ обычный способъ обученія малолѣтокъ—едва не грудныхъ младенцевъ—французскому и англійскому языкамъ нелѣпъ, онъ позоритъ, говорилъ Пироговъ, національное чувство, нисколько не содѣйствуя къ распространенію научныхъ знаній и къ расширенію мыслительнаго кругозора въ нашемъ отечествѣ. Автобіографія Пирогова даетъ намъ достаточно данныхъ для утвержденій, что Пироговъ всегда стоялъ за національное, полагая, что основной нашъ языкъ долженъ всегда и вездѣ быть родной языкъ. На національность системы Н. И. Пирогова указываетъ и религіозность, мистическая окраска всей его педагогической системы, что отмѣчено было уже въ III-ей главѣ. Религіозный характеръ педагогической системы Пирогова, не только не противорѣчащей вѣрѣ, но и дающей ея высшимъ предметамъ раціональное основаніе—эта великая и самая глубокая историческая черта русскаго народнаго характера и эта особенность педагогической системы Пирогова сообщаетъ ей *національный* отпечатокъ. Кромѣ того, *гармоничность* всей философско-педагогической системы Н. И. Пирогова является свойствомъ не лично Пирогова, но свойствомъ всего русскаго народа, *національной* особенностью его [1]). Что религіозность, дѣйствительно, народная черта характера, указывалъ намъ великій національный педагогъ К. Д. Ушинскій, о томъ же свидѣтельствуютъ новыя научныя изслѣдованія профессоровъ Сикорскаго, акад. Истрина, профессора Сиповскаго и др.

Во всѣхъ словахъ Н. И. Пирогова, часто построенныхъ въ видѣ афоризма, мы чувствуемъ мощь, энергію мысли и чувствъ, положительно, вопль души, характеризующій душу

---

[1]) Добромысловъ. „Философія Пирогова", Вѣра и Разумъ. 1893 г. №№ 6, 7—8.

и дно мысли перваго реформатора, но никакъ не искусственный пафосъ какъ думаютъ нѣкоторые. Тотъ, кто отрицаетъ значеніе Пирогова въ развитіи нашего національнаго самосознанія, тотъ не замѣчаетъ души Пирогова, не входитъ въ глубину міровоззрѣнія Пирогова. Пироговъ, дѣйствительно, миссіонерствовалъ: весь смыслъ его жизни заключался въ распространеніи высокихъ идей [1]). Онъ горячо призывалъ общество къ духовной, сознательной и осмысленной жизни. Онъ, какъ пророкъ будилъ людей отъ духовнаго сна.

«Пусть, восклицаетъ Пироговъ, каждый изъ насъ рѣшитъ столбовой вопросъ жизни: жить совершенствуясь, возвышая духъ до управленія матеріей, а матерію облагораживая до свойства быть управляемою духомъ. Только тотъ, кто въ здѣшней жизни проложилъ себѣ этотъ путь достигнетъ безсмертія, только онъ одушевится предчувствіемъ, что̀ его ожидаетъ за гробомъ. Кто былъ такъ несчастливъ, неспособенъ, лѣнивъ, и ничтоженъ, что не хотѣлъ воспользоваться самою высшею способностью человѣка—развивать сознаніе до самопознанія и одерживать чрезъ то верхъ надъ матеріей,—тотъ долженъ отказаться отъ безсмертія, котораго онъ не въ состояніи былъ и предчувствовать. Много званныхъ, мало избранныхъ".

„Ищи быть и будь человѣкомъ"—это основной принципъ христіанской нравственности, „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный" и этотъ принципъ имѣетъ въ виду не человѣка опредѣленной національности, а человѣка вообще, ибо во Христѣ [2]), пояснилъ апостолъ, нѣтъ ни эллина. ни іудея, варвара, скиѳа, раба и свободнаго. Идеалъ Христа это безконечное усовершенствованіе, а послѣднее ничто иное, какъ воспитаніе и самовоспитаніе. Вотъ эта связь, которая всегда существуетъ между усовершенство-

---

[1]) Рождествинъ, „Педагогъ-идеалистъ". Педагогическій Сборникъ. 1902 г. Январь и Февраль.

[2]) Ibid.

ваніемъ человѣка, общества и цѣлаго народа, въ русскомъ обществѣ далеко еще не всѣми признается. Вотъ отчего, вѣроятно, воспитаніе, педагогика до сихъ поръ, какъ и въ 50-хъ годахъ XIX вѣка входятъ въ школу не съ параднаго, а съ задняго—чернаго крыльца.

Формула Пирогова „ищи быть и будь человѣкомъ“, не нарушая національности въ воспитаніи, указываетъ только на то, что формѣ Пироговъ предпочелъ духъ, мертвой буквѣ живую мысль. Вмѣсто безпринципности въ школѣ, вмѣсто ноустойчивости рѣшеній ея, какъ результатѣ безпринципности, Пироговъ ввелъ принципъ идеала, а послѣдній всегда общечеловѣченъ.

„Идеальное мнѣ представляется, говорилъ Пироговъ, нитью электрическаго телеграфа, одинъ конецъ котораго тянется къ намъ чрезъ всю земную жизнь, а другой исчезаетъ въ безпредѣльности. Какъ идея времени, пространства, числа и мѣры, такъ и идея совершенства, служащая незримою мѣрою нашихъ дѣйствій, присущи человѣку“,

Н. И. Пироговъ всегда находилъ, что общечеловѣческое развитіе тѣмъ и цѣнно, что оно не посягаетъ на національность. Онъ говорилъ такъ:—стремясь быть человѣкомъ, человѣкъ не только не перестаетъ быть гражданиномъ отечества, а еще рельефнѣе выражаетъ прекрасныя стороны своей національности.—«Всѣ мы, говоритъ Пироговъ, къ какой-бы націи не принадлежали, можемъ сдѣлаться черезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка“.

Въ качествѣ новаго доказательства національности Н. И. Пирогова приведу прекрасный дѣтскій разсказъ Куприна подъ заглавіемъ „Чудесный докторъ“. Этотъ разсказъ прекрасно очерчиваетъ національныя, чисто русскія черты характера, нравственнаго облика—друга человѣчества, гражданина своего отечества—великаго Н. И. Пирогова.